

*Библейско-богословская коллекция*  
Серия «История древней Церкви»

**Аноним**

# **ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ**

Христианское чтение, 1864, II,  
с. 161-186, 303-333, 429-450

© Сканирование и создание электронного варианта:  
издательство «Аксион эстин» ([www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)), 2009



*Аксион эстин*  
Санкт-Петербург  
2009

## ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКІЕ ЦИМІЕРАТОРЫ.

Критическій обзоръ сочиненія: *L'Église et l'Empire Romain au quatrième siècle*; par M. Albert de Broglie (¹). Четыре тома.

Историческія произведенія могутъ быть вообще раздѣлены на два класса. Въ однихъ представляется только голый переченьъ событій—безъ собственныхъ взглядовъ и сужденій писателя; такія сочиненія, впрочемъ, рѣдки въ настоящее время. Обыкновенно, убѣжденія писателя выглядываютъ изъ-за самыхъ историческихъ извѣстій, и онъ отпечатлѣваетъ, такъ сказать, себя на своемъ повѣствованіи. Одинъ италіанскій писатель (²) сказалъ, что историкъ прежде всего долженъ заботиться о томъ, чтобы своимъ твореніемъ возбудить въ читателяхъ любовь къ себѣ. Мы не думаемъ, чтобы для любви и участія читателя къ писателю требовались со стороны послѣдняго какія нибудь намѣренныя усилія. Оригинальность возрѣній и благородство характера и убѣжденій сами собой скажутся въ твореніи, если они есть въ писателѣ, и сами собой возбудятъ въ читателяхъ расположенность къ нему. Читая такихъ историковъ, какъ Иродотъ, Фукидидъ, Тацитъ, Кларендонъ или Маколей, чувствуешь невольное уваженіе къ нимъ,

---

(¹) Сочиненіе, заглавіе котораго нами выставлено, встрѣчено на Западѣ общимъ вниманіемъ. Всѣ критическія статьи во французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ отзывались о немъ съ большими похвалами.

(²) Цесарь Бальбо.

къ благородству ихъ убѣжденій и честности сужденій: но это уваженіе едвали составляетъ слѣдствіе ихъ намѣренныхъ усилій. Албертъ Брогли или Броли принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ разряду подобнаго рода историковъ. Его исторія „*Церкви и римской имперіи въ четвертомъ вѣкѣ*“ составляетъ, какъ справедливо замѣтилъ о ней одинъ англійскій журналъ <sup>(1)</sup>, „трудъ, который долженъ занять почетное мѣсто въ христіанской исторической литературѣ“, и который способенъ возбудить интересъ въ читателѣ сколько своими учеными и литературными достоинствами, столько же, если не больше, и личными взглядами и убѣжденіями автора.

Отецъ Алберта Брогли—герцогъ Брогли, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ во французской палатѣ пэровъ, въ разное время занималъ должности министра народнаго просвѣщенія (съ 1830 г.) и министра иностранныхъ дѣлъ (съ 1833 г.), много содѣйствовалъ уничтоженію позорнаго торга невольниками, и свободное отъ государственныхъ занятій время посвящалъ литературѣ. И отецъ и сынъ въ 1849 г., во времена республики, были выбраны въ палату депутатовъ: сынъ имѣлъ въ ней успѣхъ, но, подобно отцу, въ свободное время занимался и литературой. Послѣ переворота 2-го декабря (1851 г.), Албертъ Брогли, оставивъ политическую дѣятельность, весь свой досугъ и свои богатые способности посвятилъ литературѣ. Въ 1853 году вышли отдѣльной книгой статьи его, написанныя и напечатанныя раньше въ разныхъ журналахъ <sup>(2)</sup>. Содержаніе ихъ

---

<sup>(1)</sup> *Edinburgh Review*. 1860 г.

<sup>(2)</sup> Заглавіе книги. „*Etudes Morales et Littéraires*“. Par M. Albert Broglie. Paris. 1853.

весьма разнообразно, но все онѣ отличаются и глубокой вниканія въ предметъ и изяществомъ изложенія. Мы приведемъ изъ нихъ лишь одно замѣчательное извлеченіе.

Между странными явленіями, сопровождавшими французскую революцію 1848 г., встрѣчалось слѣдующее: социалистическіе кружки отдавали уваженіе символамъ и изображеніямъ Иисуса Христа, не какъ Спасителя и Искупителя человѣческаго рода, а какъ Учителя ихъ въ политикѣ и въ частности руководителя въ социализмѣ. Въ Европѣ многіе видѣли въ этомъ уваженіи хорошій знакъ, находили доказательство того, что народныя массы не походятъ на своихъ предковъ 1789 года, что теперь онѣ проникнуты христіанскимъ духомъ. Гораздо справедливѣе, на нашъ взглядъ, слѣдующее сужденіе объ этомъ явленіи, высказанное у Брогли:

„Соціализмъ, ища то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ убѣжища себѣ, бросается, наконецъ, подъ покровъ религіи. Онъ взываетъ къ великимъ началамъ Евангелія и къ трогательнымъ преданіямъ о первенствующихъ христіанахъ. Развѣ не христіанское то общество, восклицаетъ онъ, которое основано не на началахъ пользы и страха, а на другихъ,—на началахъ взаимной любви и братскаго уваженія? Не изъ этихъ ли началъ проистекли чудныя переменны, обновившія міръ? И почему же нельзя намъ снова возвратить силу этимъ началамъ и ожидать отъ нихъ тѣхъ же самыхъ слѣдствій? Такой благочестивый языкъ былъ въ большой модѣ во всехъ социалистическихъ школахъ. Въ своихъ шумныхъ рѣчахъ социалисты смѣшиваютъ имя Христово съ именами своихъ кровожадныхъ предводителей, имя Жертвы Голгоетской съ именами убійць, совершавшихъ свои

злодѣйства среди храмовъ и монастырей. Подобныя смѣшенія возбуждаютъ отвращеніе. Я сожалею объ открытомъ изступленномъ нечестіи другой революціонной эпохи: но съ своей стороны предпочитаю Крестъ низверженный Кресту, несомому съ святотатственнымъ почетомъ въ процессіяхъ грабежа и бунта. Сдерживая негодованіе, возбуждаемое такими сценами, мы скажемъ коротко и прямо, что между социализмомъ и христіанствомъ нѣтъ общаго ничего, что евангельское ученіе и ученіе социалистовъ прямо противоположны другъ другу, такъ что, если одно истинно, то другое должно быть ложно, и если социализмъ не есть одно изъ величайшихъ заблужденій, то Евангеліе было бы самымъ безстыднымъ изъ обмановъ“ (см. *Etudes*)

Молодой герцогъ Брогли, принужденный оставить политику, сталъ искать предмета, надъ которымъ бы онъ могъ употребить въ дѣло свои способности. И онъ остановился на одномъ, особенно способномъ заинтересовать мыслителя, неравнодушнаго къ вопросамъ, касающимся вмѣстѣ и церкви и государства. Надобно прибавить, что избранный имъ предметъ имѣетъ нѣкоторое приложеніе къ современному состоянію Франціи. Французскіе историки особенно способны описывать отдаленное прошедшее, имѣя въ виду настоящее, съ тѣмъ же участіемъ и съ тою же живостію, съ какими они рѣшали бы современные важные вопросы. Эта характеристическая особенность французскихъ историковъ видна и въ „Исторіи Церкви и Римской имперіи въ IV вѣкѣ“. Любовь Брогли къ конституціонной Франціи, нѣкоторое сходство современнаго ея положенія съ состояніемъ римской имперіи въ IV вѣкѣ сдѣлали то, что авторъ проникся самымъ живымъ участіемъ къ

описываемой эпохѣ, и это участіе выразилось у него въ силѣ и энергіи изложенія. Ни одинъ историкъ не можетъ повѣствовать такъ, чтобы его повѣствованіе производило неотразимое впечатлѣніе на читателей, если онъ самъ не проникнуть живымъ участіемъ къ своему предмету. „Нѣтъ другаго средства энергически писать, какъ имѣть при этомъ горячее желаніе распространить тѣ убѣжденія, которыя, какъ истинныя, писатель считаетъ своимъ долгомъ высказать и обнародовать“, говоритъ Пальгрэвъ (1).

Всякая исторія и всякое вообще сужденіе человѣческое должны имѣть въ основаніи своемъ какія нибудь предварительныя убѣжденія. Даже въ математикѣ извѣстныя теоремы и положенія не прежде возбуждаютъ согласіе на нихъ, какъ когда они основаны на предварительныхъ общепризнанныхъ аксіомахъ. Вотъ почему мы прежде всего считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ убѣжденіями Брогли, легшими въ основу его сочиненія, и показать, насколько мы согласны съ ними.

Онъ, вопреки Штраусу и его приверженцамъ, признаетъ, какъ основаніе церковной исторіи, истину и подлинность четырехъ евангельскихъ сказаній о рожденіи, жизни, смерти и воскресеніи воплотившагося Господа. Онъ признаетъ богодухновенность и историческую важность всѣхъ другихъ каноническихъ книгъ Новаго Завѣта. Онъ, вопреки Неандеру и всей его церковно-исторической школѣ, признаетъ три степени іерархіи, какъ апостольское учрежденіе, а не какъ человѣческое изобрѣтеніе, сдѣланное лишь для удобства управленія, сообразно требованіямъ тогдашняго времени, которое

---

(1) См. „History of Normandy and England“, vol. I. p. 265.

потому можно бы отмѣнить или измѣнить. Онъ при знаетъ и историческую и догматическую важность никейскаго символа, который принятъ христіанами всего міра и который во всѣхъ почти христіанскихъ обществахъ входитъ въ составъ совершенія св. евхаристіи.

Мы не можемъ ничего сказать противъ Брогли и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ источникахъ для церковной исторіи и ихъ достовѣрности. Главные источники для описанія избраннаго Брогли періода—таковы, что отверженіе ихъ точно также необходимо разрушить исторіи Гиббона, Мильмана и Неандера, какъ и исторіи Баронія и Рорбахера. Если кто вздумаетъ отвергать свидѣтельства христіанскихъ писателей—Евсевія, Сократа, Созомена и Θεодорита, языческихъ—Зосимы и Амміана Марцеллина, и извѣстія, разсѣяныя въ сочиненіяхъ св. Аванасія и Лактанція, тотъ можетъ остаться вовсе безъ исторіи послѣдней половины IV и первой V вѣка. Онъ долженъ также остаться безъ свѣденій относительно предшествовавшей эпохи, для которой мы именно имѣемъ тотъ родъ свидѣтельствъ, который такъ мастерски употребленъ Гротомъ для описанія временъ Греціи, предшествовавшихъ персидскимъ войнамъ, и Левисомъ (Lewis) для описанія состоянія Рима до войны съ Пирромъ, -- свидѣтельствъ, несовременныхъ событіямъ.

Лѣтъ тридцать назадъ, одинъ даровитый и ученый англійскій писатель Шепгердъ издалъ исторію римской церкви, въ которой онъ при всякомъ случаѣ старался заподозрить подлинность того или другаго свидѣтельства, того или другаго историческаго памятника. Къ полному своему удовольствію, онъ, на примѣръ, доказывалъ, что посланія св. Кипріана карфагенскаго—позд-

нѣйшая поддѣлка, совершенная для оправданія папскихъ притязаній. Имѣя въ виду, что тѣ же самыя посланія цитуются и противъ римскихъ папъ—въ сочиненіяхъ православныхъ и протестантскихъ богослововъ,—между англійскими богословами въ сочиненіяхъ, на примѣръ, Пуля (Poole),—мы должны прежде всего сказать, что поддѣлка посланій св. Кипріана одна изъ самыхъ неудачныхъ поддѣлокъ. Шепгердъ приложилъ свой скептическій методъ изслѣдованія и ко многимъ другимъ произведеніямъ христіанской древности. Доказательства Шепгерда противъ подлинности и достовѣрности большей части древнихъ произведеній христіанской письменности, въ томъ числѣ и противъ Евсевія и его продолжателей, напоминаютъ тѣ доводы, которыми одинъ англійскій архіепископъ (Хуатли) опровергалъ существованіе въ мірѣ лица, извѣстнаго подъ именемъ Наполеона I. Три года спустя послѣ обнародованія Шепгердомъ своего сочиненія, вышла исторія латинскаго христіанства (*History of Latin Christianity*), написанная авторомъ, весьма несклоннымъ къ безусловной довѣрчивости, деканомъ собора св. Павла (1), и, увы, отвергнутые Шепгердомъ источники историческіе всѣ заняли свои мѣста, какія они занимали до него, какъ будто Шепгердъ ничего и не писалъ.

Единбургское Обозрѣніе высказываетъ новое основаніе для недовѣрія церковнымъ историкамъ этого періода. Авторъ критической статьи на сочиненіе Брогли, помѣщенной въ этомъ журналѣ, допускаетъ возможность того, что лѣтописцы эти до такой степени были увлечены главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой эпохи,

---

(1) Мильманъ—Milman.

великимъ александрійскимъ епископомъ, что ихъ извѣстiя и сужденiя о событiяхъ составляютъ не болѣе, какъ только отголоски Аѳанасiева голоса. Мы неохотно оставляемъ на нѣсколько времени сочиненiе Брогли, честныя изысканiя котораго проливаютъ много свѣта и на этотъ вопросъ; а миновать это новое предположенiе, клонящееся къ подрыву достовѣрности главныхъ источниковъ церковной исторiи первыхъ вѣковъ, не показавъ его неосновательности, мы не считаемъ себя вправѣ.

„Трудно понять“, говоритъ другой англiйскiй журналъ (1), „какимъ образомъ авторъ критики, помѣщенной въ Единбургскомъ Обозрѣнiи, какъ видно изъ статьи его глубоко изучившiй свой предметъ, пришелъ къ такому безосновательному предположенiю. Древнѣйшiй церковный историкъ Евсеviй такъ далекъ отъ всякой зависимости отъ св. Аѳанасiя въ своихъ взглядахъ, что на противъ онъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненiяхъ даже склонность къ арианской сторонѣ. О Сократѣ Вазелiй—самый прочный авторитетъ въ дѣлѣ оцѣнки исторической достовѣрности—справедливо замѣтилъ, что историкъ этотъ обнаружилъ въ своемъ сочиненiи большую точность и аккуратность, что его исторiя есть плодъ долгихъ самостоятельныхъ изысканiй, что она составлена по лучшимъ документамъ обѣихъ сторонъ: православной и арианской“. Журналъ этотъ за тѣмъ приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ исторiи Сократа, изъ которыхъ видно,

---

(1) Christian Remembrancer. Quarterly Review. 1860 г. Критическая статья на сочиненiе Брогли, помѣщенная въ этомъ журналѣ, отличается замѣчательною умѣренностью суждений; она послужила для насъ руководствомъ и важнымъ пособiемъ при составленiи этого критическаго обзора.

что второй церковный историкъ составлялъ исторію, не подчиняясь авторитету св. Аванасія, и что онъ въ извѣстіяхъ о событіяхъ и въ сужденіяхъ о лицахъ и ихъ дѣлахъ нерѣдко расходится съ епископомъ александрійскимъ (1). Еще меньше имѣеть значенія предположеніе Единбургскаго Обзорнія по отношенію къ Созомену и Θεодориту. Достаточно припомнить для этого содержаніе первой главы первой книги исторіи Созомена; здѣсь историкъ прямо объявляетъ, что, въ описаніи событій несомнѣнныхъ ему, онъ руководствовался: 1) императорскими законами; 2) актами соборовъ: православныхъ и аріанскихъ; и 3) посланіями — царскими и папскими, „которыя тогда“, говоримъ словами самого Созомена, „частію хранились во дворцахъ и церквахъ, частію ходили по рукамъ любителей словесныхъ произведеній“, и что онъ считалъ справедливымъ брать въ разсмотрѣніе извѣстія какъ православныхъ, такъ и еретиковъ, потому что „историкъ больше всего долженъ“, — опять приводимъ собственныя слова Созомена, — „заботиться объ истинѣ и добросовѣстности повѣствованія“. Теперь возвратимся къ Брогли — къ его основнымъ убѣжденіямъ.

Свои основныя убѣженія Брогли не оставляетъ безъ доказательствъ; чтобы подкрѣпить ихъ, онъ присовокупилъ къ своимъ томамъ нѣсколько важныхъ приложений. Изъ приложений особенно замѣчательно то, которымъ онъ подтверждаетъ истину евангельскихъ фактовъ. Съ силою онъ выставляетъ нелѣпость тѣхъ, которые,

---

(1) Таковы слѣдующія мѣста въ исторіи Сократа: i, 1; i, 10; i, 13; i, 27; ii, 11, 15, 17, 18, 22, 23 и многія другія. Christian Remembrancer указываетъ подробно разности въ извѣстіяхъ Аванасія и Сократа. См. № 3, стр. 142, 143.

напередъ отвергнувъ возможность всякихъ вообще чудесъ, потомъ приступаютъ къ разсмотрѣнію достовѣрности частныхъ чудесъ, записанныхъ евангелистами. „Евангеліе само въ себѣ“, говоритъ онъ, „сверхъестественно. Оно повѣствуетъ о Томъ, Кто родился отъ Дѣвы, о Томъ, Кто воскресъ изъ мертвыхъ. Оно начинается и оканчивается чудомъ. Поэтому, если всѣ факты ложны, по той только причинѣ, что они чудесны, то Евангеліе ложно: это дѣло рѣшеное. Здѣсь не нужно, чтобы доказать это, изучать еврейскій и греческій языки, ненужно разбирать извѣстій разныхъ евангелистовъ или сличать манускрипты“. Брогли показываетъ за тѣмъ, что наначалахъ, которыми руководился Штраусъ, также легко доказать, что Константинъ Великій не сынъ Елены, что онъ никогда не царствовалъ и даже не существовалъ, и что соборъ Никейскій никогда не собирався. Такъ какъ мы должны поскорѣе познакомить читателей съ основными положеніями автора, то не рѣшаемся еще долѣе останавливаться на приложеніяхъ его. Здѣсь кстаги можемъ только замѣтить, что въ англійской богословской литературѣ есть замѣчательное по глубокомыслію, къ несчастію только неоконченное, сочиненіе доктора Милля, которое онъ писалъ противъ Штрауса.

До сихъ поръ мы показывали основныя убѣжденія автора, съ которыми согласны и мы: но есть другія, на которыя мы никакъ не можемъ согласиться. Албертъ Брогли—ревностный и сознательный католикъ, и потому неудивительно, что у него встрѣчаются положенія, на которыя мы не согласны; скорѣе удивительно то, что такихъ положеній у него мало. Последнее зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что Брогли

разсматриваетъ періодъ, въ который разногласія между Восточною и Западною Церковію были, къ счастью, неизвѣстны. А въ сужденіяхъ о главныхъ дѣтеляхъ этой эпохи едва ли можетъ быть какое нибудь серьезное разногласіе между богословами и историками восточными и западными. Мы точно также, какъ и они, смотримъ на Юліана, какъ на отступника, точно также съ единодушнымъ уваженіемъ вспоминаемъ приснопамятные труды св. Аѳанасія, поднятые имъ на пользу православія.

Въ сочиненіи Брогли, исключая нѣсколькихъ его замѣтокъ о безженствѣ клира, есть только одинъ пунктъ, въ которомъ православный богословъ найдетъ много основаній — не согласиться съ нимъ. Это — положеніе римской епископской кафедры въ разсматриваемый періодъ. Впрочемъ, этому вопросу, къ удивленію, изъ 2000 страницъ Брогли удѣлили всего десять.

Римскіе католики говорятъ, что если восточные богословы въ приводимыхъ ими въ пользу главенства папы свидѣтельствахъ древности не видятъ того, что видятъ они, такъ это происходитъ отъ предразсудковъ, среди которыхъ воспитываемся мы. Подобную рѣчь легко можно обратить и противъ нихъ. Человѣкъ, съ дѣтства привыкающій смотрѣть на Григорія XVI или Пія IX, какъ на епископа епископовъ (*Episcopus episcoporum*), уже предрасположенъ читать Евангеліе, акты соборовъ и древнюю церковную исторію сквозь свои цвѣтные очки. На нашъ взглядъ свидѣтельства, приводимыя Брогли, много-много доказываютъ первенство, но не главенство римскаго епископа. Мы разберемъ это дѣло въ частностяхъ.

Теперь всѣ согласны въ томъ, что предсѣдателемъ Никейскаго 1-го вселенскаго собора былъ Осія, епископъ кордовскій. Въ латинскихъ копіяхъ актовъ этого

собора имя его стоитъ первымъ. Здѣсь естественно рождается вопросъ: почему предсѣдательствовалъ онъ?

Если бы мы стали утверждать, что Осія предсѣдательствовалъ, благодаря своему высокому личному характеру и особенной благорасположенности къ нему Константина, то намъ тотчасъ-же возразили бы—и не безъ основанія—во первыхъ, что это чистая теорія, а во вторыхъ, что вѣроятно мы предрасположены, можетъ быть и бессознательно, преувеличивать вліяніе царей на соборы (¹). Въ свою очередь совершенно такое же возраженіе мы вправѣ сдѣлать тѣмъ, которые, принимая фактъ предсѣдательства Осіи, видятъ въ предсѣдателѣ легата римскаго епископа. Они точно также выставляютъ чистую теорію и точно также предрасположены къ преувеличеннымъ понятіямъ относительно доказываемаго ими римскаго главенства.

Римскій Бривіарій (*Breviarium*), писанный въ эпоху, чуждую всякой критики, не знаетъ самаго существованія Осіи и прямо утверждаетъ, что предсѣдательствовалъ въ Никеѣ римскій первосвященникъ чрезъ своихъ легатовъ. Кардиналъ Бароній выставляетъ, какъ равно достовѣрные факты, во первыхъ то, что Осія предсѣдательствовалъ, а во вторыхъ, что онъ предсѣдательствовалъ, какъ легатъ римскаго папы. Брогли отдѣляетъ достовѣрный фактъ предсѣдательства Осіи отъ предположенія, что онъ предсѣдательствовалъ, какъ предста-

---

(¹) Мильманъ въ своей *History of Latin Christianity* (т. I, стр. 60) утверждаетъ, что Осія предсѣдательствовалъ, какъ придворный богословъ. Онъ приводитъ для такого взгляда нѣсколько основаній, но при всемъ томъ такое объясненіе все-таки остается небольшою, какъ предположеніемъ. Ниль утверждаетъ, что предсѣдательствовалъ св. Евстаѣій Антиохійскій (*A History of the Holy Eastern Church. Patriarchate of Alexandria*. By Neal. Vol. 1. p. 139).

витель тогдашняго римскаго епископа Юлія. Какъ римскій католикъ, онъ принимаетъ это предположеніе и пытается подтвердить нѣкоторыми доказательствами, основывая свои соображенія на обстоятельствахъ послѣдующаго (невселенскаго (1)) собора Сардикійскаго. Почти достовѣрно, что и въ Сардикѣ Осія опять предсѣдательствовалъ: Созоменъ объ епископахъ, съѣхавшихся сюда, говоритъ, какъ о сторонникахъ или точнѣе какъ объ окружателяхъ Осіи — *οἱ ἀμφὶ τοῦ Ὁσίου*. Италіянскіе прелаты (въ числѣ троицъ), представлявшіе на соборѣ римскаго первосвященника, подписались уже послѣ него. Но такъ какъ соборъ этотъ, состоявшійся въ предѣлахъ римскаго патріархата, безспорно находился въ такомъ отношеніи къ римской кафедрѣ, что могъ законно допустить апелляціи къ Риму (2), то значитъ, заключаетъ Брогли, очевидно, что Осія могъ предсѣдательствовать на немъ только въ качествѣ представителя римскаго епископа. Предоставляемъ безпристрастію читателей рѣшить, кто изъ насъ больше предубѣжденъ, Брогли ли, такъ поспѣшно выведшій это заключеніе, или мы, которые неспособны понять очевидности его вывода. Почему историкъ убѣжденный въ томъ, что Осія предсѣдательствовалъ въ Никеѣ по силѣ своихъ

---

(1) Католическій писатель Аллісъ (Allies) въ своемъ сочиненіи о Главенствѣ Папы выставляетъ, какъ предметъ безспорный и истину общепризнанную, что соборъ Сардикійскій былъ соборъ вселенскій. Брогли смотритъ на Сардикійскій соборъ иначе. „Сардикійскій Соборъ, говоритъ онъ, не смотря на признанный авторитетъ его, не считается въ числѣ вселенскихъ. Большая часть канонистовъ—противъ названія его вселенскимъ“. Т. 1, часть 2-ая, стр. 81.

(2) Профессоръ оксфордскаго университета Пюзи въ сочиненіи *Councils of the Church* — (р. 144) замѣчаетъ, что Халкидонскій вселенскій соборъ девятымъ правиломъ своимъ давалъ еще большія права престолу Константинопольскому.

личныхъ достоинствъ и заслугъ и благодаря расположенности къ нему императора, не можетъ допустить съ большею вѣроятностію, что поборники православія, собравшіеся на Сардикійскій соборъ, еще разъ поставили себя подъ предсѣдательство Осіи изъ одного благодарнаго воспоминанія о предсѣдательствѣ его въ Никеѣ?

Этимъ мы и оканчиваемъ споръ съ Брогли, сдѣлавъ одно только замѣчаніе. Если бы мы не случайно и не мимоходомъ коснулись этого вопроса—о главенствѣ, а онъ составлялъ бы главный предметъ для насъ, тогда мы считали бы необходимымъ сравнить языкъ св. отцевъ, которымъ говорятъ они объ апостолѣ Петрѣ, съ языкомъ, какимъ они говорятъ о св. Павлѣ и другихъ апостолахъ, сравнить титулы, данные римскому первосвященнику, съ титулами, усвоенными другимъ патриархамъ и свѣтскимъ правителямъ, взять въ разсмотрѣніе апелляціи къ Риму и апелляціи къ епископамъ константинопольскому и карфагенскому, и наконецъ сопоставить самыя высшія права папы, какія признавались въ древнія времена, съ правами, приписываемыми ему Беллярминомъ.

Касательно другаго пункта разногласій съ Брогли, т. е. вопроса о безженствѣ, въ настоящей разъ мы замѣтимъ только слѣдующее: 1) вопросъ этотъ не есть вопросъ вѣры, а дисциплины церковной; 2) его нельзя рѣшать, не имѣя въ виду словъ апостола Павла въ 1 посланіи къ Тимоѳею (гл. 3, ст. 2); 3) нельзя не быть благодарнымъ Брогли за то, что онъ и въ разсмотрѣніи этого вопроса выказалъ умѣренность, столь рѣдкую въ католическихъ писателяхъ, и сохранилъ независимость сужденій; онъ, напримѣръ, не отказываетъ къ договѣрности той рѣчи—въ пользу дозволенія женатому

клиру удерживать при себѣ своихъ женъ, которую, по свидѣтельству Сократа и Созомена, говорилъ въ Никеѣ св. Пафнутій (самъ—престарѣлый дѣвственникъ), епископъ изъ Египетской Оиваиды.

Но за всѣмъ тѣмъ лежащія передъ нами четыре тома исторіи Брогли не составляютъ полемическаго сочиненія. Они суть не иное что, какъ новое чтеніе старыхъ источниковъ, имѣющее въ виду особенную свою цѣль и своихъ особенныхъ слушателей или читателей. Мы говоримъ: *старыхъ* источниковъ, потому что объемъ ихъ со временъ Гиббона мало измѣнился. Катакомбы, неизвѣстныя Гиббону, теперь конечно открыты; кардиналъ Май и Куртонъ (Curetton) открыли нѣсколько новыхъ писемъ св. Аванасія; Домъ Питра вырылъ изъ земли нѣсколько драгоценныхъ памятниковъ описываемой у Брогли эпохи. Но эти позднѣйшія открытія проливаютъ свѣтъ только на очень частные пункты исторіи IV вѣка, а въ цѣломъ въ этой исторіи не произошло ничего похожаго на переворотъ. Главные дѣятели эпохи—Константинъ В. и Констанцій, св. Аванасій и Арій, Юліанъ и Либаній—остаются доселѣ съ тѣми же характерами, какъ и прежде. Различіе приговоровъ, произносимыхъ о нихъ и ихъ дѣлахъ, зависитъ не отъ историческихкихъ данныхъ и ихъ очевидности, а отъ способностей, отъ нравственнаго характера и воспитанія судей.

Брогли несмотря на свои старанія, большею частію успѣшныя, быть спокойнымъ повѣствователемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи походить на адвоката. Когда онъ пишетъ, у него предъ умомъ предносятся его читатели, не всѣ вообще образованные европейцы, а гораздо ближайшіе къ нему, образованные французы. Хотя помѣстамъ онъ усвояетъ взглядъ лютеранской школы

Неандера и англиканскихъ историковъ, хотя и они въ свою очередь могутъ найти въ его сочиненіи полезныя для нихъ замѣтки: но не ихъ онъ имѣетъ прежде всего въ виду. Его мысль главнымъ образомъ занята двумя классами его соотечественниковъ: однимъ, заключающимъ въ себѣ тѣ пылкія и крайнія личности — въ родѣ аббата Гома (Gosse) или аббата Вентуры, которыя хотѣли бы обходиться съ девятнадцатымъ вѣкомъ также, какъ обходились ихъ предшественники съ XV и XIV, и другимъ, заключающимъ въ себѣ ту Францію, которая, — заимствуемъ его собственныя выраженія, — «повсюду искоренила изъ своихъ учрежденій и изъ своихъ памятниконъ знаки и формы христіанства», которая «во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ себя націю чисто философскую». Къ первому изъ этихъ классовъ онъ обращается съ сильнымъ увѣщаніемъ: «не смѣшивайте время, не трактуйте все современное поколѣніе какъ уже отступившее отъ вѣры во Христа; читайте уроки исторіи; вы увидите, какъ кротко, съ какою осторожностію, съ какою мудрою умѣренностію первенствующая Церковь пользовалась своими побѣдами, какъ она стремилась освятить, а не уничтожить искусство, литературу и законы языческіе» (гражданскіе). Къ соотечественникамъ втораго класса, память о которыхъ прошла чрезъ все его сочиненіе, онъ обращается съ мольбой о томъ, чтобы они перестали думать, что христіанство производитъ узкое, противоположенное вліяніе, чтобы они изучили исторію Христовой Церкви, какъ она возникла къ существованію, какъ она пришла въ единеніе съ государствомъ, какъ (несмотря на все препятствія, противопоставленныя ей злобой людскою), она совершила въ мірѣ чудный переворотъ, ко-

торый сопровождался великими, благотворными слѣдствіями для всѣхъ сторонъ жизни человѣческой, не исключая самыхъ низшихъ.

Не было въ мірѣ оратора или писателя, всецѣло независимаго отъ вліянія со стороны слушателей или читателей. Онъ можетъ быть воодушевленъ сознаниемъ несомнѣннаго сочувствія съ ихъ стороны, или, опасаясь отсутствія симпатіи въ читателяхъ, можетъ быть слишкомъ остороженъ въ высказываніи своихъ сужденій, но остаться совершенно внѣ всякаго вліянія едва ли есть какая нибудь возможность. Одинъ видъ такого вліянія прекрасно охарактеризовалъ одинъ англичанинъ, когда его избирали въ судьи. Излагая свои основанія для отказа, онъ сказалъ: «я боюсь быть пристрастнымъ къ своимъ друзьямъ, и изъ опасенія показаться пристрастнымъ боюсь самаго худшаго, что можетъ вытти изъ пристрастія, боюсь быть несправедливымъ и жестокимъ къ нимъ». Дѣйствительно ли это худшее проявленіе пристрастія, въ этомъ еще можно усумниться, потому что во всякомъ случаѣ это было бы ошибкой, происшедшей изъ стремленія сохранить благородство и честность рѣшеній. Брогли поддался тоже нѣсколько вліянію со стороны читателей, которымъ онъ желалъ передать свои убѣжденія. Они встрѣтятъ въ немъ много уступчивости ихъ собственнымъ убѣжденіямъ, выступающей за предѣлы строгой правды. Мы думаемъ, что напр. за Константина можно больше сказать, чѣмъ сколько сказано на страницахъ Брогли, не закрывая, подобно Евсевию. его ошибокъ (*οὐκ ἔνευκτο*), но взявши въ разсмотрѣніе его собственное положеніе и характеръ общества, среди котораго воспитался онъ, и которое окружало его. Равнымъ образомъ образъ Юліана ог-

ступника на нашъ взглядъ, бросаетъ большую тѣнь, чѣмъ въ какой онъ представленъ авторомъ на страницахъ, теперь открытыхъ предъ нами.

Мы сдѣлали бы и другія общія замѣчанія, но они будутъ вставляться по мѣстамъ въ продолженіи статьи, а главнымъ образомъ будутъ прибережены къ заключенію. Теперь же мы обратимся къ работѣ болѣе пріятной для насъ и безъ сомнѣнія болѣе интересной для читателя, представимъ быстрый очеркъ четырехъ вышедшихъ томовъ—Исторіи Церкви и Римской имперіи въ IV вѣкѣ.

Предварительный обзоръ занимаетъ нѣсколько больше третьей части перваго тома. Брогли начинаетъ свое сочиненіе сравненіемъ единства возникающей Церкви съ единствомъ быстро падающей Имперіи. Послѣднее онъ уподобляетъ величественному, но искусственному единству зданія, построеннаго человѣкомъ, которое готово пасть въ прахъ, первое—жизненному единству растенія, которое высится до неба и распространяется въ ширину своею собственною органическою силою

Сперва объ Имперіи. Мы находимъ у Брогли извѣстія объ Августѣ, соединяющемъ въ своемъ лицѣ должности консула, трибуна, префекта и верховнаго первосвященника вмѣстѣ съ командованіемъ арміей — почти въ 400,000 человѣкъ; о быстрой деморализаціи народа, утратившаго слѣды и самое чувство политической свободы, терпѣвшаго и даже удивлявшагося такимъ чудовищамъ, какъ Калигула и Неронъ; о чухломъ уваженіи, еще платимомъ сенату, которое съ одной стороны выказывалось въ самомъ пощаженіи этого учрежденія такими хитрыми правителями, какъ Тиверій, и въ снисходительномъ почтеніи, выказываемомъ къ нему Флавіанами и Ангонами. Но борьба между сенатомъ и

арміей кончилась на время побѣдой солдатъ, которые стали избирать въ императоры своихъ любимцевъ и избирали, пока въ 285 году таланты Діоклетіана не возстановили монархіи. Въ продолженіи всего этого періода, столица теряла право за правомъ, выгоду за выгодой, а провинціи въ такой же мѣрѣ пріобрѣтали. Во время республики онѣ много терпѣли отъ борьбы соперничествовавшихъ партій и отъ жадности правителей, не участвуя въ преимуществахъ и торжествахъ столицы міра. Императоры поставили жителей провинцій (завоеванныхъ) почти наравнѣ съ настоящими гражданами Рима, и знатные люди изъ Галліи пріобрѣли входъ въ сенатъ еще во дни Юлія Цезаря. Аристократія при своемъ вымираніи обыкновенно утѣшаетъ себя колкими насмѣшками надъ лицами, которыя или по своимъ талантамъ или по богатству занимають ея мѣсто, надъ ихъ манерами и происхожденіемъ. Римскіе патриціи, вымиравшіе и количественно и качественно, въ обиліи сыпали ѣдкіе сарказмы на этихъ новыхъ *Patres conscripti*, незнавшихъ дороги въ сенатъ. Императоры одинъ за другимъ играли, такъ сказать, провинціями противъ города, возвышали первыя, чтобъ унизить послѣдній и господствовать въ немъ независимо. Сенека и Луканъ изъ Испаніи, Плутархъ изъ Греціи, Фронтонъ изъ Африки были люди близкіе къ императорамъ, а великіе законники этой эпохи—Салвій, Папилианъ, Ульпианъ—все были иностраннаго происхожденія.

„Они-то и уладили дорогу тому знаменитому эдикту, которымъ Каракалла даровалъ *jus civitatis* всеѣмъ свободно рожденнымъ обитателямъ Имперіи (213 г.). Оппортунистическій именованъ авторомъ и вызванный необходимостію увеличить сборъ податей, этотъ актъ не смотря на то

знаменуетъ важный моментъ въ исторіи міра. Предопредѣленная Провидѣніемъ задача Рима совершилась въ день подписанія эдикта: дѣло уподобленія народовъ закончилось. Отъ похищенія сабинянокъ до эдикта Каракаллы прошла почти тысяча лѣтъ; не меньшій періодъ времени былъ достаточенъ, чтобы эта великая звѣзда совершила свое полное круговращеніе,“ (Том. I, стр. 25).

Мы пойдемъ далѣе; Брогли останавливаетъ наши взоры на той собирающейся тучѣ варварскихъ ордъ, которыя, какъ авторъ справедливо замѣчаетъ, поражали Имперію со всею правильностію физическаго закона. Между 250 и 260 г. Готы отъ Борисѳена доходятъ до Чернаго моря и чрезъ Виоинію до Греціи и Италиі. Франки бросаются чрезъ Испанію и проходятъ до Африки. Царь Пароявъ достигаетъ Антиохіи и плѣнный императоръ Валеріанъ подвергается позорной смерти. Однимъ изъ славныхъ дѣлъ, рожденнаго въ низкомъ званіи. Діоклетіана было то, что онъ хотъ на время оставилъ повсюду ярость опускавшейся на имперію бури.

Между тѣмъ древняя римская религія, въ которую (по крайней мѣрѣ съ политической и виѣшней точки зрѣнія) Августъ думалъ вдохнуть новую жизнь, упала вслѣдствіе введенія въ нее новыхъ боговъ и новыхъ обрядовъ изъ разныхъ покоренныхъ странъ: аллегорическихъ олицетвореній изъ Греціи, магическихъ мистерій изъ Египта и съ Востока.

„Въ этомъ религіозномъ эклектизмѣ, въ этомъ слианіи (если можно такъ выразиться) всѣхъ религій разнообразія наклонности души получили полный просторъ. Никакая узда не сдерживала воли; никакая хорошо опредѣленная вѣра не лежала несгладимой печатью на умахъ. Среди безконечнаго числа преданій, которыя разнообразились

вмѣстѣ съ мѣстностями и у каждаго поэта были различныя, никто не успѣвалъ вѣровать всѣмъ, но никто не былъ и такъ развратенъ и, главное, такъ смѣлъ въ развратѣ, чтобы оставить ихъ совершенно; народъ принималъ или оставлялъ ихъ, молился своимъ богамъ или смѣялся надъ ними, сообразно съ фантазіею или интересомъ переживаемаго дня. Религіи оставалось достаточно, чтобы поддерживать колеблющійся человѣческій умъ во времена его слабости, и очень мало для того, чтобы подчинить его закону и сдѣлать его путь правымъ; положеніе дѣлъ, изумительно приспособленное къ расслабленному поколѣнію, у котораго для живой вѣры не было энергіи, а для систематическаго разумнаго сомнѣнія не доставало мужества!<sup>4</sup> (Том. 1, стр. 49).

Въ ряду возвышенныхъ умовъ являлось желаніе единства религіознаго. Апулей, Аполлоній Тіанскій и Плутархъ пытаются истолковать, обратить въ нравственные уроки, въ аллегоріи—колебавшіеся мифы политеизма.

Римъ и въ религіи былъ болѣе практичнымъ, чѣмъ Греція. Онъ оставилъ *quasi* богословскія умозрѣнія, изложенныя въ метафизикѣ Аристотеля, въ діалогахъ Платона (напр. въ Тимей, Федонъ, Парменидъ), и ограничилъ свое вниманіе рядомъ вопросовъ, разбираемыхъ въ Цицероновомъ *De officiis*. Слѣдующія замѣчанія объ этой попыткѣ—упростить систему нравственности, мы думаемъ, заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія, потому что могутъ имѣть приложеніе къ современности.

„Слѣдствіе такого очевиднаго упрощенія философіи было тоже самое, какое всегда постигаетъ всякую систему нравственности, стоящую одиноко, отрѣшенно отъ всѣхъ религіозныхъ вліяній. Это прямая и часто повторяющаяся ошибка — вообразить, что отдѣленіе

правственности отъ проблемъ религіозной метафизики, не рѣдко темныхъ, дѣлаетъ мораль яснѣе и удобоисполнимѣе. Напротивъ мораль въ такомъ случаѣ дѣлается невыносимою и непрilожимою. Исполненіе долга тогда лишь возможно и можетъ сдѣлаться дорогимъ для людей, когда долгъ является наложеннымъ на нихъ божественною десницею, которая показываетъ имъ вдали наказанія или награды, когда силы души удваиваются соединенными побужденіями надежды, любви и страха. Оставленная самой себѣ, ничего не говорящая воображенію, не привязанная ни къ какому божественному авторитету, не указывающая впереди никакого счастья, стоическая нравственность не имѣла для людей привлекательности, а для себя поддержки. Она требовала жертвъ безъ вознагражденія, она налагала усиленные труды, не смягчая ихъ никакою надеждою. Она сама скоро это сознала, и провозгласила себя религіей меньшинства, вѣрой небольшого числа избранныхъ *par excellence*, мудрыхъ, рѣзко отличающихся отъ обыкновенныхъ простыхъ людей (*idioti*). Это была религія уединяющая. Человѣкъ обязанъ былъ смотрѣть въ себя самаго, и только въ себя самаго, отрѣшаясь отъ всякаго внѣшняго вліянія, искать всей силы для себя въ своей собственной волѣ, всего свѣта въ своей собственной совѣсти.“ (Том. 1, стр. 59).

Стоицизмъ погибъ на тронѣ съ Маркомъ Авреліемъ. Эпикуреизмъ, въ самомъ опошленномъ видѣ, еще продолжалъ существовать нѣсколько времени. Около 250 г. Плотинъ привлекаетъ толпы къ слушанію нео-платоническаго ученія. Онѣ приходятъ, побуждаемыя желаніемъ услышать отвѣтъ на вопросъ, предложенный нѣкогда Пилатомъ Спасителю: что есть истина? Но въ филосо-

фемахъ Плотина можно открыть (случай не необыкновенный) слѣды нѣкотораго вліянія другаго ученія, которое философъ безсознательно усвоилъ, между тѣмъ какъ онъ сознательно силится идти ему наперекорь. Къ разсмотрѣнію этого другаго ученія Брогли и обращаетъ теперь наши мысли.

Первое понятіе о христіанствѣ на страницахъ Брогли то, что оно есть вмѣстѣ и фактъ и ученіе. Отъ Божественнаго Основателя вѣры у насъ есть Его жизнь и Его бесѣды, отъ св. апостоловъ Павла, Петра, Іакова и Іоанна — догматическія посланія и повѣствованіе объ ихъ трудахъ и страданіяхъ. Обѣ черты христіанства должны быть удержаны.

Замѣчанія эти вполне справедливы. Каполикъ Станлей, профессоръ оксфордскаго университета, справедливо замѣчаетъ объ исторіи Неандера, что она есть больше исторія идей, чѣмъ людей. Это одна крайность. Самъ Станлей, напротивъ, допускаетъ другую: блестящее сочиненіе этого ученаго профессора погрѣшаетъ именно тѣмъ, что онъ слишкомъ много приписываетъ отдѣльнымъ лицамъ, и слишкомъ мало вліянію отвлеченныхъ, но живущихъ и заправляющихъ дѣятельностію частныхъ лицъ идей.

Мы теперь едва въ состояніи понять, какую громадную бездну должны были перейти люди, исповѣдывавшіе многобожіе, когда они обращались къ христіанству. Мы еще въ дѣтствѣ получаемъ наставленіе въ возвышеннѣйшихъ истинахъ относительно существа Божія, въ истинахъ, для узнанія которыхъ столько мудрыхъ умерло, и которыя теперь извѣстны всякому христіанину, такъ что мы едва въ состояніи представить трудность, которую чувствовали самые мудрѣйшіе изъ язычниковъ въ дѣлѣ почитанія Безконечнаго Боже-

ства. Мы сожалѣемъ объ исповѣдующихъ многобожіе, мы чувствуемъ негодованіе къ почитателямъ золотого тельца, и улыбаемся при чтеніи аллегорій Платона и тонкихъ соображеній Цицерона.

„Не будемъ однакожь, говорить Брогли, слишкомъ строги къ первымъ учителямъ вѣры и мысли. Сердце человѣческое не такъ измѣнилось съ теченіемъ времени, и малое вниманіе въ его свойства достаточно объяснить намъ самыя странныя его слабости. Напр., известно, что даже для насъ идея о Богѣ, когда она выводится изъ чистаго разума, является всегда окруженной неразрѣшимыми вопросами. Противорѣчащія понятія, неразрѣшимыя, но неизбѣжныя, трудности, спутывающія нашу мысль и презирающія ея усилія, являются всякій разъ при усиленномъ размышленіи объ идеѣ Бога. Будучи не въ состояніи на такихъ высотахъ созерцанія стоять въ точкѣ равновѣсія, мы образуемъ понятія о Божественной сущности попеременно то слишкомъ возвышенныя для насъ самихъ, то слишкомъ недостойныя ея. Иногда мы низводимъ Божественную сущность до своего собственнаго образца, между тѣмъ какъ усиливаемся понять ее; иногда же перестаемъ понимать сами себя, между тѣмъ какъ стараемся какъ можно больше уяснить свои мысли, чтобы выразумѣть ее“ (Том. 1, стр. 78).

Страницы, слѣдующія за этимъ извлеченіемъ и написанныя въ томъ же тонѣ, вполне достойны вниманія. Въ 1860 году вышла въ Англіи книга: Бамптонскія чтенія — Манселя (1). Главною задачею этихъ чтеній было—показать, что Богъ для разума, если разумъ

---

(1) M-r Mansel's Bampton Lectures. London 1860

самъ изъ себя силится развить идею о Немъ, становится холодащей отвлеченностию, и что съ другой стороны всякая попытка — избѣжать такого отвлеченнаго понятія о Богѣ тотчасъ же приводитъ къ самому очевидному многобожію со всеми земными страстями для каждаго бога. Одинъ фактъ, одно ученіе могутъ спасти насъ отъ холоднаго ствлеченія пантеизма, и отъ нечистыхъ гадостей политеизма, — это — таинство воплощенія Сына Божія, которое есть и фактъ и ученіе вмѣстѣ.

Христіанство, какъ учрежденіе, установилось, христіанство, какъ догматъ, было принято. И между тѣмъ какъ ни одной еще книги Новаго Завѣта не существовало, апостолы во всехъ странахъ распространяли вѣру. Личныя свойства апостоловъ: Петра, Павла и Іоанна мастерски обрисованы авторомъ, и Брогли совершенно справедливо замѣчаетъ, что представленные самимъ себѣ св. Павелъ и св. Іоаннъ могли бы основать различныя ученія, но что если они трудились для одной цѣли, то это служить однимъ изъ тысячи доказательствъ, что ими дѣйствовалъ Тотъ, Кто призвалъ ихъ и послалъ на проповѣдь Евангелія.

Съ теченіемъ времени не только бѣдные, не только усвоившіе себѣ великія суетвѣрія, не только языческіе жрецы, но люди особенно чуткіе ко всякому обману, люди ученые и любозвательные, приходятъ искать убѣжища подъ вѣтвями этого древа, вырастающаго вверхъ и въ шпирину изъ зерна горюшнаго. Философія также искала здѣсь себѣ мѣста, въ лицѣ Іустина и Климента покорная и смиренная, а иногда, особенно въ Александріи, подкрашивающая простоту Евангелія видоизмѣненнымъ іудействомъ (примѣры — Керинѣи и Евіонъ), или видоизмѣненнымъ

магіанізмомъ (примѣры—Василидъ и Валентиніанъ) (1).

Мы не будемъ останавливаться на гностицизмъ (о немъ многое можно узнать изъ Неандера и Гиббона), и замѣтимъ только вмѣстѣ съ авторомъ, что гностицизмъ стиралъ основныя черты христіанства, и что потому побѣда надъ нимъ, одержанная писателями 2-го вѣка, напр. Иринеемъ, двойнымъ оружіемъ апостольскаго преданія и Четвероевангелія была истинно знаменитая въ исторіи христіанства побѣда. Св. Климентъ и его ученикъ Оригенъ обозначаютъ новый фазисъ, въ который вступило христіанское ученіе; они въ первый разъ сдѣлали употребленіе изъ греческой философіи, — употребленіе, оказавшее важныя услуги Церкви, хотя не безъ примѣси опасностей; этихъ опасностей всегда боялись западные отцы и изъ опасенія ихъ они устремились въ другую противоположную крайность строгаго, иногда тяжелаго догматизма.

Проявленіе этихъ противоположныхъ отношеній къ языческой философіи обозначилось въ двухъ гениальнѣйшихъ писателяхъ той эпохи, въ Оригенѣ и Тертуліанѣ. Замѣчательно, что Церковь равно не удостоила наименованія святыхъ ни суроваго догматиста — Тертуліана, ни философскаго изыскателя — Оригена. Всѣ люди, (говорили нѣкогда), родятся аристотеликами или платониками: точно также всѣ богословы, (кромѣ святыхъ и великихъ), можно сказать, имѣли наклонность либо къ Тертуліанизму, либо къ Оригенизму.

*(Продолженіе впрѣдъ.)*

---

(1) Для болѣе подробнаго знакомства съ этими предметами, Брогли рекомендуетъ книгу Вильяма—Essais sur l'Eloquence Chrétienne au Quatrième Siècle. Читатели, любящіе церковную исторію, могутъ найти въ рекомндуемомъ сочиненіи много интереснаго.

## ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКІЕ ИМПЕРАТОРЫ.

### СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Положеніе христіанина первыхъ трехъ вѣковъ Брогли описываетъ слѣд. образомъ.

„Христіанинъ—это былъ человѣкъ, остававшійся спокойнымъ среди общества попеременно суетнаго или дурнаго, погруженнаго въ удовольствія или преданнаго бѣдствіямъ. Христіанинъ сохранялъ ясное сознаніе своей свободы среди общества, то рабскаго, то бунтующаго. Христіанинъ прямо шествовалъ къ своей цѣли среди общества, блуждавшаго и не знавшаго, куда оно идетъ. Христіанинъ исполненъ былъ твердаго упованія среди общества, глубоко недовольнаго своимъ состояніемъ. Когда законы перестали дѣйствовать, когда тридцать соперниковъ спорили за императорское достоинство, а сотни варварскихъ племенъ — за завладѣніе областями имперіи, христіанинъ имѣлъ свое правительство и свой законъ. Одинъ онъ находился въ прочной связи съ своими начальниками и священнослужителями; одинъ онъ не чувствовалъ себя беззащитнымъ, оставленнымъ безъ надзора и руководства; одинъ онъ, посреди всеобщаго разрушенія, не боялся того, что небо упадетъ на его голову, или что земля разверзется подъ его ногами. Это чувство ясности душевной въ то время, когда кругомъ все рушилось, часто выражалось съ одушевленіемъ, свойственнымъ торжественному гимну. „Церковь

въ этомъ мірѣ<sup>4</sup>, восклицали христіане, „подобна кораблю на обширномъ морѣ. Она качается по волѣ волнѣ, но не потопляется, потому что ея управляетъ искусный кормчій—Иисусъ Христосъ. Она имѣетъ на кормѣ свой трофей,—тотъ, которымъ она исхищена изъ рукъ смерти,—крестъ ея Господа... Вѣтеръ есть Духъ Небесный, чрезъ котораго вѣрный получаетъ печать Божию“ (') (Том. 1, стр. 149, 150).

Какими же глазами смотрѣлъ Римскій міръ на это зрѣлище? Человѣческой умъ, относительно истины, въ первый разъ поставленной предъ нимъ, способенъ принять только тройное положеніе, именно: положеніе презрительнаго равнодушія, глубокой ненависти и горячей привязанности. Римскій міръ началъ первымъ изъ поименованныхъ нами чувствъ -- презрѣніемъ; съ этимъ чувствомъ, безъ сомнѣнія, язычники предлагали христіанамъ вопросы о *какомъ-то* распятомъ Иисусѣ, вѣра въ Котораго казалась для нихъ *юротствомъ и безуміемъ* (Кор. 1, 18 - 24). Но апостолы были Іудеи, а Іудеи въ обвиняли въ ненависти къ человѣческому роду; ненависть и презрѣніе язычниковъ къ Іудеямъ были перенесены на апостоловъ и вообще на христіанъ. Они даже были въ глазахъ язычниковъ болѣе достойны ненависти, чѣмъ остальные Іудеи; они обращаютъ къ себѣ язычниковъ, они не считаютъ языческихъ храмовъ и церемоній, они идутъ вопреки обыкновенному порядку языческой жизни. Такъ смотрѣла до IV вѣка масса гражданъ имперіи на христіанъ, смотрѣла или съ холоднымъ безразличіемъ, или съ глубокою ненавистію, но здѣсь можно было встрѣтить самыя разительныя исклю-

(') Это мѣсто заимствовано изъ св. Ипполита

ченія. Въ исторіи христіанства часто повторялось слѣдующее замѣчательное явленіе: бѣднякъ, чувствующій горечь своего существованія, и богачъ, сознавшій неудовлетворительность своихъ удовольствій, всего воспріимчивѣе оказывались къ духовнымъ вліяніямъ; между тѣмъ какъ лица средняго класса, больше погруженные въ земныя заботы, больше привязанныя къ землѣ приманками корысти, оказывались довольно тупыми къ воспріятію небеснаго ученія. Имя Христова скоро сдѣлалось извѣстнымъ въ самыхъ бѣдныхъ предмѣстіяхъ большихъ городовъ и во дворцѣ кесаря. Каждый день мысль и дѣятельность христіанская вступали въ новыя столкновенія съ язычествомъ. Честь, воздаваемая дѣвству, строгость и чистота христіанскаго супружества, любовь и милосердіе, оказываемыя бѣднымъ: что могло быть укорительнѣе для чычника этихъ добрыхъ проявленій въ христіанахъ, которыхъ онъ хотѣлъ только презирать и которые пристыжали своими добродѣтелями его самого? Язычникъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на новый кодексъ нравственности, на могучій источникъ возникающей нравственной энергии, которую нельзя уже было болѣе презирать или не знать. Понятіе, что неуволенный на свободу рабъ можетъ въ публичномъ смыслѣ считаться равнымъ своему господину, можетъ, напр., разъ въ недѣлю быть наряду съ нимъ при одномъ и томъ же богослуженіи, на одинаковыхъ условіяхъ, было прямо противоположно обычаемъ Римскаго народа, который, правда, часто давалъ свободу, но не имѣлъ понятія о возможности возвышенія раба, еще остающагося рабомъ.

Кромѣ всего этого, Римское государство всегда чувствовало самую бѣдную ревность и подозрительность ко

всякому обществу, которое угрожало сдѣлаться *imperium in imperio*. Траянъ съ подозрѣніемъ смотрѣлъ на общество, образовавшееся для тушенія пожаровъ, и недověрчиво смотрѣлъ на всякое, особенно обширное, возсоединеніе фамилій. Каковы же должны были быть чувства такихъ правителей къ христіанскому обществу, которое повсюду распространяло свои вѣтви? Отказъ христіанъ клясться „счастіемъ цезаря“ и др. подобными формами клятвы, нежеланіе участвовать въ воинскихъ церемоніяхъ языческаго характера были новыми оскорбленіями для государства. Кромѣ того самыя гоненія, заставлявшія христіанъ отправлять богослуженіе въ пещерахъ и тайныхъ мѣстахъ, давали поводы къ новымъ гоненіямъ со стороны язычниковъ, которые представляли ихъ упражняющимися въ скандальныхъ и даже смертоубійственныхъ мистеріяхъ.

Извѣстныя письма Плинія къ Траяну обличаютъ тревожное состояніе ума въ болѣе кроткихъ и разсудительныхъ язычникахъ. Однакожь Траянъ виновенъ въ мученической смерти св. Игнатія... Мы не станемъ приводить доказательствъ на то, что въ слѣдующемъ вѣкѣ самая любовь христіанъ не къ соотечественникамъ только, а къ христіанамъ повсюду, навлекла на нихъ новыя подозрѣнія въ сочувствіи ихъ къ варварамъ-завоевателямъ. Въ царствованіе Декія изданъ былъ страшный эдиктъ, со всею безжалостною строгостію приведенный въ исполненіе; начавшіяся преслѣдованія и казни открыли число носившихъ имя христіанъ, а равно открыли (мы, живущіе въ спокойныя времена, не дерзнемъ осуждать ихъ) между ними слабодушныхъ, которые, подобно Петру до полученія имъ Св. Духа, отреклись отъ своего Господа.

Диоклетіанъ, подъ конецъ рѣшившійся на преслѣдованіе, въ началѣ своего царствованія былъ окруженъ христіанскими слугами, которые не отказывались служить императору язычнику. Слѣдующее письмо, приведенное у Брогли, было новостію для насъ, и вѣроятно будетъ новостію для нашихъ читателей. Оно писано св. Θεоной (Theonas), епископомъ александрійскимъ, къ одному изъ служителей Диоклетіановыхъ.

„Я не думаю, чтобы счастье, которое досталось вамъ—находиться во дворцѣ государя, какимъ нибудь образомъ подвергло васъ опасности заразиться тщеславіемъ: благодаря вамъ, дворецъ можетъ услышать истину; возблагодарите Бога, сдѣлавшаго васъ добрымъ оружіемъ для добраго дѣла... Потому что съ тѣхъ поръ, какъ государь, хотя не наставленный въ нашей вѣрѣ, не смотря на то, ввѣрилъ охраненіе своей жизни и личности христіанамъ, какъ самымъ вѣрнымъ слугамъ, какихъ только онъ могъ найти, вы должны показать себя самихъ, какъ можно болѣе, бодрственными и дѣятельными въ исполненіи этой обязанности, чтобы имя Христова прославилось въ васъ... Одинъ изъ васъ, говорятъ, получилъ въ свое завѣдываніе частныя суммы государя, другой императорскія одежды и украшенія, третій—драгоцѣнныя вазы, четвертый—книги... Этотъ послѣдній долженъ быть самымъ усерднѣйшимъ между вами... Пусть онъ не пренебрегаетъ образованіемъ себя въ свѣтской литературѣ, пусть онъ изучаетъ труды языческихъ гениевъ, которые нравятся государю. Пусть онъ въ своихъ разговорахъ съ нимъ превозноситъ поэтовъ за величіе ихъ изобрѣтательности, за интересъ ихъ мифовъ; пусть онъ хвалитъ ораторовъ за оригинальность ихъ выраженій и за ихъ высокое краснорѣчіе.

Пусть онъ также удивляется философамъ за ихъ свойственныя каждому заслуги; пусть онъ хвалитъ историковъ, которые передаютъ намъ порядокъ и связь событій. описываютъ обычаи нашихъ предковъ и происхожденіе нашихъ законовъ. По временамъ пусть онъ введетъ въ разговоръ похвалу Св. Писанію, переведенному съ такимъ стараніемъ и съ такими издержками на нашъ языкъ по распоряженію Птолемея Филадельфа; и случайно пусть указываетъ на Евангеліе и Апостоловъ, на эти сокровищницы божественныхъ вѣщаній. Имя Христа можетъ бытъ такимъ образомъ введено въ бесѣду съ кесаремъ, и кесарь, можетъ статься, увѣрится наконецъ, что божество почиваетъ только въ Немъ Единомъ (Христѣ). Съ помощію Христовою всѣ эти дѣла могутъ имѣть успѣхъ“ (1) (т. I, стр. 175—176).

Между тѣмъ стали являться покушенія пародировать христіанство. Евсевій рассказываетъ (IX, 5), сколько ложныхъ сказаній о жизни и страданіяхъ Христовыхъ обращалось въ школахъ и заучивалось наизусть (2). Жизнеописанія quasi соперниковъ Христовыхъ, въ особенности извѣстнѣйшаго Аполлонія Тіанскаго, во множествѣ обращались въ обществѣ. (Здѣсь вѣстаті замѣтить, что первые прогивники христіанства никогда не отказывали въ достоверности чудесамъ нашего Господа: они допускали ихъ и принимали магію. Целись, на-

(1) Бронни за ординаромъ отсылаетъ къ Galand. Bibliotheca veterum Patrum том VI

(2) Мы повѣрили многи есица автора на Тацита, Светонія, Евсевія, Сократа. Ба Амустина, равно какъ на Гиобона и Неандера, и вездѣ находили, что онъ дѣлается имъ со всею точностію и опредѣленностію, такъ что мы совершенно довѣдемъ и гвизъ есыкамъ, которыхъ не по-

примѣръ, объявляетъ, что Христось научился чародѣйству въ Египтѣ). Максиминъ зашелъ по этому пути пародированія такъ далеко, что пытался въ параллель христіанской учредить и между язычниками церковную іерархію.

Преемникъ Діоклетіана Галерій, который, можно сказать, принудилъ этого великаго императора къ кровавому преслѣдованію христіанъ, былъ пораженъ страшною смертію, и со смертнаго одра своего обнародовалъ тотъ (311 г.) эдиктъ о терпимости, который Евсевій и Лактанцій сохранили для насъ и который даже Гиббонъ (гл. XVI) счелъ нужнымъ цѣликомъ привести въ своей исторіи: „Кажется, говоритъ Брогли, Галерій чувствовалъ, что рука Божія за христіанъ отяготѣла надъ нимъ. Этотъ замѣчательный документъ — полудерзкій, полуумоляющій начинается угрозами христіанамъ и оканчивается испрашиваніемъ ихъ молитвъ.“ Слѣдующія слова Брогли поражаютъ своимъ величіемъ, не смотря на то, что томы его столь богаты благородными мыслями.

„Этотъ болѣзненный крикъ вырвался, кажется, изъ самаго сердца языческаго общества. Больное, подобно своему престарѣлому тирану, ослабѣвшее вслѣдствіе послѣднихъ припадковъ ярости, распростертое на болѣзненномъ одрѣ, оно готово было воззвать о помощи къ Богу, долго ненавидѣнному и все еще невѣдомому. Оно было готово обратиться къ тому таинственному покровительству, котораго сплу чувствовало и въ то время, когда проклидало его, чувствовало своею душою, запятнанною убійствами, и своими членами, пораженными проказой. Оно всецѣло предавало себя этому Богу со всѣми своими сокровищами, благами и трудами Оно

готово было ввѣрить ему дѣло искусной, но уже склонявшейся къ упадку, блестящей и богатой цивилизаціи, свои строгіе законы, подкапываемые уже анархіей, свои сокровища, возбуждавшія жадные взоры варваровъ, свои искусства, испорченныя сладострастіемъ. Христіанство подъ знаменемъ Константина начало собирать вмѣстѣ весь эти обломки, напечатлѣвать на нихъ свой характеръ, и готовить міръ для новой жизни“ (Т. I, стр. 182, 3).

Отъ состоянія преслѣдованія истина Христова перешла къ состоянію терпимости, отъ состоянія терпимости къ состоянію господства: вотъ историческій ходъ христіанства. Въ предварительномъ обзорѣни мы представили христіанство въ двухъ первыхъ состояніяхъ; теперь посмотримъ на его восхожденіе къ торжеству.

Въ минуту, когда Галерій издавалъ свой замѣчательный эдиктъ, было не менѣе шести императоровъ. Діоклетіанъ, находившійся въ добровольномъ уединеніи, былъ свидѣтелемъ разрушенія своего плана,—плана, по которому имперія должна была имѣть не болѣе двухъ императоровъ (*augusti*) съ двумя наслѣдниками и участниками власти (*cesares*). Между этими шестью одинъ, очевидно, былъ преобладающимъ. Храбрость, великіе таланты и, какъ замѣчаетъ языческій панегиристъ, строжайшая чистота жизни отличали Константина, сына Констанція Хлора, по наслѣдству отъ отца сдѣлавшагося западнымъ императоромъ.

Отецъ его былъ цезаремъ у Діоклетіана. Хотя онъ и находился въ родствѣ съ императоромъ Клавдіемъ, но своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ гораздо меньше своему происхожденію, чѣмъ своимъ заслугамъ, какъ способный, хотя и не всегда счастливый, полководецъ. Константинъ былъ сыномъ его отъ первой его жены

Елены, съ которою онъ развелся, чтобы жениться на снохѣ Максимиана. Когда Констанцій и Галерій были возведены въ достоинство августовъ, Галерій рѣшился помѣшать возведенію молодаго Константина въ званіе цезаря. Отецъ, сынъ и армія негодовали, когда въ это высокое положеніе были назначены такія ничтожныя лица, какъ Флавій Северъ и Максиминъ Дайя. Но Констанцій былъ занятъ въ Галліи и не могъ помочь своему сыну. Галерій удерживалъ Константина при себѣ, и хотя не смѣлъ открыто покуситься на его жизнь, но старался подвергать его возможно бѣльшимъ опасностямъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Констанцій Хлоръ, находя свое здоровье разстроившимся, не пожелалъ, чтобы сынъ прибылъ къ нему въ Галлію. Галерій отпустилъ Константина, и тотчасъ же раскаялся; но раскаяніе, къ счастью, немного запоздало. потому что Константинъ успѣлъ уже уѣхать.

Констанцій, къ его великой чести, избѣгнувъ необходимости выполнить приказанія Діоклетіановы относительно преслѣдованія христіанъ частію по своей природной кротости, частію, можетъ быть, отъ безсознательной расположенности къ вѣрѣ въ Распятаго. Галлія произвела уже великихъ учителей богословія и основала школы для наставленія въ христіанствѣ. Константинъ былъ принятъ въ ней благосклонно. Онъ нашелъ отца своего въ Булони готовымъ уже переправиться въ Британнію. Но трудности этой экспедиціи были слишкомъ тяжелы для организма ослабленнаго лѣтами и болѣзнію, и Констанцій Хлоръ умеръ въ Іоркѣ, отрекомендовавъ своего единственнаго, оставшагося въ живыхъ, сына солдатамъ, которые были уже расположены къ храброму и популярному царевичу.

Преемство власти въ Римской имперіи было на практикѣ наследственное, хотя наследственное начало и видоизмѣнялось вслѣдствіе семейныхъ интригъ и убійствъ и вслѣдствіе частой бездѣтности, бывшей результатомъ римскихъ нравовъ. Не новостію также было для арміи, предводимой Констанціемъ, приводить въ исполненіе послѣднія желанія покойнаго ея полководца. Константинъ тотчасъ и единодушно былъ провозглашенъ императоромъ. Галерій пришелъ въ ярость, получивъ формальное извѣстіе объ этомъ избраніи, но, не смѣя явно противиться избранію, согласился признать Константина цезаремъ, но не августомъ; въ послѣдній санъ былъ возведенъ Северъ. Константинъ покорился, чтобы выждать удобнаго времени.

Мы не намѣрены долго останавливаться на подробностяхъ этого періода жизни Константина, которыя хотя и рассказаны увлекательно и умно нашимъ авторомъ, но не представляютъ ничего особеннаго сравнительно съ другими сочиненіями, давно уже извѣстными ученой Европѣ. Самъ Гиббонъ отдаетъ справедливость этой части Константиновой жизни. Мужество и справедливость, съ какими онъ устроилъ управленіе Галліей, мудрость въ политическихъ союзахъ съ своими соперниками, воинскій талантъ, обнаруженный имъ, все это даетъ намъ высокое понятіе объ его природныхъ способностяхъ. Эти способности онъ готовился теперь принести на служеніе дѣлу, которое должно было произвести рѣшительный переворотъ въ самомъ строѣ языческаго общества.

Максентій, управляя тираннически въ Римѣ, объявилъ Константину войну. Константинъ, взвѣсивъ всѣ вѣроятности, вмѣсто того, чтобы ждать нападенія, самъ быстро бросился на Италію. Этотъ шагъ его — былъ

шагъ рискованный; Константинъ просить помощи у Бога. Но у какого Бога? Трое изъ раздѣлявшихъ съ нимъ верховную власть, Максиміанъ, Северъ, Галерій погибли страшными смертями, а всѣ они были почитателями многихъ боговъ...

Въ 312 году Константинъ обратился съ торжественною молитвою о помощи къ Богу христіанъ. Мы не будемъ останавливаться на разборъ достовѣрности извѣстнаго видѣнія, которое произвело переворотъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Константина. Если даже осторожный и охотно опускающій подобные рассказы Неандеръ допускаетъ, что «мы не должны безъ твердыхъ основаній отвергать этого сказанія совершенно», то мы прямо объявляемъ, что не находимъ основаній для того, чтобы усомниться въ собственномъ разсказѣ Константина, какъ онъ записанъ у Евсевія. А ргііі отвергать подобные чудесные случаи нелѣпо; наши земные глаза могутъ не видѣть особенной нужды, чтобы при недостаткѣ вина на брачномъ торжествѣ Спаситель показалъ свою чудодѣйственную силу; но если какая нибудь великая перемѣна въ мірѣ заслуживала и въ нѣкоторой степени требовала чуда свыше, то готовившаяся была одною изъ такихъ перемѣнъ. Повторяемъ, мы не видимъ основаній не вѣрить тому, что Константину дано было въ извѣстный день видѣть поверхъ солнца крестъ изъ свѣта съ словами: *in cruce signo.*

Быстръ и блестящъ былъ походъ въ Италію. 28-го октября in saxa Rubra, — около 15 верстъ отъ Рима, въ великолѣпнѣйшей мѣстности встрѣтились воюющія арміи. Какъ вождь и какъ воинъ Константинъ показалъ, что онъ вполне заслуживаетъ довѣренности блестящихъ войскъ, которыми предводительствовалъ. Отрядъ конни-

цы, лично имъ предводимый и отличавшійся особенною пышностію вооруженія, рѣшили все сраженіе. Милвіанскій мостъ обрушился подъ тяжестію отступавшаго обратно непріятели, и Максентій утонулъ въ Тибрѣ. Языческіе жрецы, къ которымъ онъ предъ сраженіемъ прибѣгнулъ за совѣтомъ, дали ему отвѣтъ, оказавшійся вѣрнымъ и бывший безопаснымъ для нихъ, именно, что въ этотъ день погибнетъ врагъ Римлянъ (*illo die hostem romanorum periturum esse.*)

И если при своемъ вступленіи въ Римъ побѣдитель не исповѣдалъ открыто въ городѣ, все еще языческомъ, своей благодарности Богу, такъ чудесно защищавшему его въ юности и приведшему его къ побѣдѣ только что пріобрѣтенной, то надобно вспомнить, какъ тѣсно всѣ преданія столицы, всѣ формы правленія, всѣ обряды триумфа были связаны съ религіею языческою. Много уже значить и то, что ни жертвоприношеніе ложнымъ богамъ, ни посѣщеніе капитолія — эти существенныя атрибуты римскихъ торжествъ, даже не большихъ, не были совершены и не представили въ должномъ свѣтѣ новыхъ убѣжденій императора. Надпись объ этомъ событіи на его статуѣ служитъ отличною характеристикою той эпохи.

„Статуя помѣщена была на открытомъ и многолюдномъ мѣстѣ. Константинъ держалъ въ рукѣ, по описанію Евсевія, копьѣ въ формѣ креста. На задней сторонѣ копья была вырѣзана слѣдующая надпись: „Этимъ спасительнымъ знакомъ истиннаго мужества Я освободилъ вамъ городъ отъ ига тиранническаго управленія. Я сдѣлалъ свободнымъ сенатъ и народъ Римскій, Я возстановилъ блескъ ихъ древняго достоинства.“ Крестъ поименованъ не былъ, тѣмъ болѣе — Распятый. Въ этомъ

нельзя не видѣть робкаго, но искренняго почтенія къ христіанству. Константинъ желаетъ сдѣлать правое предъ Богомъ, но еще медлитъ открыто разорвать всѣ связи съ язычествомъ“. (Стр. 237).

Начало слѣдующаго года (313) ознаменовано было славнымъ эдиктомъ о терпимости, обнародованнымъ отъ имени Константина и Лицинія въ Медиоланѣ; ихъ примѣру нехотя послѣдовалъ Максиминъ.

Радость христіанъ была глубока и жива. Вездѣ на мѣсто смиренныхъ и полуразрушившихся храмовъ вставали богатыя базилики. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась базилика Тирская; освященіе ея было совершено самымъ торжественнымъ образомъ.

Прискорбно вспоминать, какъ скоро эта радость была омрачена появленіемъ донатическаго раскола въ Африкѣ. Суровый духъ Тертуліана перешелъ во многихъ изъ его соотечественниковъ. Бѣгство отъ преслѣдованія считалось трусостью, даже благоразумное уклоненіе отъ опасностей смерти преслѣдовали они суровымъ осужденіемъ. Не удивительно, что начавшіяся смуты огорчали Константина; къ счастью, Осія Кордовскій своимъ вліяніемъ на Константина сдѣлалъ то, что императоръ не перенесъ своего неудовольствія на всѣхъ христіанъ, а осудилъ именно ту сторону, которую слѣдовало осудить. Небольшой соборъ въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ римскаго епископа Мильтіада, осудилъ донатистовъ и оправдалъ обвиненнаго ими епископа Цециліана. По замѣчательному стеченію обстоятельствъ въ этомъ году приходились *ludi saeculares* — знаменитыя игры, которыя отправлялись чрезъ каждые сто лѣтъ, но язычники не осмѣлились праздновать ихъ.

Между тѣмъ Константинъ на западѣ, Лициній на

востоку остались единственными повелителями. Максиминъ былъ низвергнутъ. Онъ прибавилъ еще одну насильственную смерть къ тѣмъ, которымъ подверглись столь многіе изъ преслѣдователей христіанъ. Знаменитый трактатъ „de morte Persecutorum“, обыкновенно приписываемый Лактанцію, обращалъ вниманіе общества на эти разительные факты. Можемъ ли мы удивляться, что послѣ всего, что вытерпѣли христіане до сихъ поръ, въ этомъ сочиненіи по мѣстамъ не видно высокаго духа любви и жалости христіанской ко врагамъ, тѣмъ болѣе, что оно написано лицомъ, которое до своего обращенія было риторомъ по профессіи?

Какъ бы ни были маловажны заслуги Максимиана, Лициній воспользовался своей побѣдою надъ нимъ самымъ варварскимъ образомъ. Міръ еще разъ былъ раздѣленъ между двоими, какъ это было при Антоніѣ и Августѣ. Роль Антонія выпала теперь Лицинію. Онъ самъ на себя навлекъ гибель, какъ полагаетъ Гиббонъ, своимъ вѣроломствомъ. Первая междоусобная война между императорами окончилась мирнымъ трактатомъ, который восточный Августъ купилъ цѣною огромныхъ уступокъ Константину; онъ отдалъ Паннонію, Дакию, Далмацію. Македонію и Грецію. Согласіе продолжалось ненарушимо 8 лѣтъ съ 315 по 323 годъ.

Зачинщикомъ второй междоусобной войны Гиббонъ представляетъ Константина. Не опровергая прямо автора „упадка и паденія Римской имперіи“, Брогли доказываетъ, что не властолюбіе Константина, а другія причины понудили его начать войну. Лициній, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ Константиномъ издалъ актъ о вѣротерпимости. Но онъ былъ язычникъ, и вскорѣ началъ притѣснять и мучить христіанъ въ своей части имперіи. Онъ

воспретилъ собранія епископовъ и, самъ извѣстный развратникъ, онъ охотно раздѣлялъ однакожь опасенія тѣхъ, которые въ свободѣ христіанскихъ собраній для церковнаго богослуженія и для поученій видѣли опасность для христіанской нравственности. Неповиновеніе его повелѣніямъ было причиною жестокаго гоненія. Насколько къ соболѣзнованіямъ Константина о такомъ поведеніи Лицінія присоединялись личные его расчеты, это извѣстно одному Богу; но его честь и его убѣжденія прямо затрогивались Лицініемъ. Эдиктъ скоро сдѣлался бы мертвою буквой, еслибы его позорно ставили въ ничто въ одной половинѣ имперіи. Во время отраженій нѣкоторыхъ готскихъ нашествій въ своихъ походахъ Константинъ иногда заходилъ во владѣнія Лицінія. Лиціній посылалъ къ нему полуумоляющіе, полуобидные протесты; *cum variasset*, говоритъ одинъ безымянный хронографъ того времени, *inter supplicantia ac superba mandata, iram Constantini merito excitavit*. Константинъ въ свою очередь укорялъ Лицінія, горько жалуясь на то, что товарищъ его отказалъ въ довѣрїи своимъ христіанскимъ подданнымъ. Размолвка скоро перестала ограничиваться словами; взяли за оружіе. Лиціній открыто связалъ свою судьбу съ язычествомъ, его противникъ на діадимѣ сталъ носить крестъ.

Мы сказали, что между первою и второю войною прошло 8 лѣтъ. Это время не было проведено Константиномъ въ праздности. Онъ занимался утишеніемъ религіозныхъ несогласій въ Африкѣ, и въ первый разъ въ это время онъ выступилъ, какъ законодатель. Мы скажемъ объ этихъ дѣлахъ Константина прежде, чѣмъ возвратимся къ его борьбѣ съ Лицініемъ.

Донатисты остались недовольны опредѣленіемъ не-

большаго римскаго собора. Они утверждали, что ихъ дѣло не вѣрно понято, что не Цециніанъ главнымъ образомъ былъ виноватъ, а Феликсъ, епископъ Аптонгскій, рукоположившій его. По ихъ показаніямъ, Феликсъ во время послѣдняго гоненія выдалъ гражданскимъ властямъ драгоцѣнные манускрипты, а такое поведеніе, утверждали они, сдѣлало всѣ его начальственные распоряженія ничтожными и недѣйствительными.

„Императоръ, стараясь скорѣе прекратить расколъ, и такъ какъ дѣло касалось факта, который могъ быть повѣренъ гражданскимъ начальствомъ чрезъ отобраніе показаній на мѣстѣ, написалъ проконсулу Эліану немедленно, оставивъ всякое другое дѣло, приступить къ изслѣдованію касательно жизни Феликса Аптонгскаго.“

„Открылось самое необыкновенное и многознаменательное для цѣлаго міра зрѣлище: надъ епископомъ производилось слѣдствіе свѣтскою властію по дѣлу совершенно религіозному, которое могла судить только Церковь, и которое не много прежде не только было дозволено, но еще требовалось отъ него гражданскимъ закономъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, сдѣлалъ ли во время гоненія епископъ Феликсъ то преступленіе, что повиновался императорскому эдикту и уступилъ угрозамъ гражданскихъ властей. Покорность вмѣнялъ ему теперь въ преступленіе тотъ самый судъ, который незадолго предъ симъ насильственно заставлялъ покоряться. Нельзя было яснѣе показать полной побѣды Церкви надъ признаннымъ безсиліемъ государства. Гражданская власть сама рѣшилась объявить, что противоборство ей было справедливо, и что римскіе fasces должны преклониться предъ знаменіемъ креста. Какъ бы для болѣе полнаго и глубокаго контраста, офице-

ры городского гарнизона были позваны въ судъ и дали показаніе, дѣлающее Феликсу честь, что онъ имѣлъ мужество противиться имъ.“ (Том. 1, стр. 177).

Феликсъ былъ оправданъ. Но Константинъ, самоуправный и самостоятельный въ гражданскихъ дѣлахъ, являлся мнительнымъ, осторожнымъ и медленнымъ во всѣхъ рѣшеніяхъ, касавшихся Церкви. Онъ созвалъ новый соборъ въ Арлѣ, и мы жалѣемъ, что предѣлы журнальной статьи не дозволяютъ намъ, вмѣстѣ съ авторомъ, письмо, адресованное въ Африку, которое сохранено Оптатомъ. сравнить съ письмомъ о томъ же самомъ предметѣ, адресованнымъ Хресту, епископу Сиракузскому, которое сохранилъ Евсевій. Одинаковость тона и языка въ обоихъ документахъ, хотя они записаны различными и по характеру, и по отношеніямъ къ Константину, лицами, какъ замѣчаетъ Брогли, служить доказательствомъ полной истинности источниковъ для исторіи этого времени. Общій мотивъ писемъ составляетъ сожалѣніе императора о раздѣленіи и о соблазнѣ, проистекающемъ изъ такихъ несогласій, для язычниковъ. Принужденный оставить Галлію и отправиться во Фракію, онъ оставляетъ письменныя распоряженія, обнимающія мельчайшія подробности внѣшнихъ условій созванія собора. Епископовъ, по назначенію императора, какъ православныхъ, такъ и донатистскихъ, должны были сопровождать два священника и трое слугъ, и для всѣхъ ихъ должны быть даны общественныя подводы. При этомъ случаѣ Евсевій употребляетъ замѣчательное выраженіе относительно второй степени іерархіи (*ὄμο ἕνε τινας τῶν ἐκ δευτέρου ἑρόνου*).

Соборъ, вопреки авторитету св. Кипріана. (ратовавшего противъ дѣйствительности еретическаго крещенія),

постановилъ важное опредѣленіе, по которому недостойнство священнослужителя не препятствуетъ дѣйствію таинства; онъ произнесъ, впрочемъ, приговоръ низложенія съ священнослужительскихъ мѣстъ тѣмъ, которые во время гоненія выдали книги Св. Писанія и церковные сосуды язычникамъ, или которые донесли гонителямъ на своихъ братій; и постановилъ (замѣчательное проявленіе возникающаго единенія между государствомъ и Церковію), что дезертиры, бѣжавшіе изъ арміи во время мира, должны быть отлучаемы отъ общенія, и кромѣ того разбиралъ (новый знакъ перемѣны) отношенія епископовъ къ христіанамъ, возведеннымъ въ высокія гражданскія должности. Нежеланіе нѣкоторыхъ донатистовъ покориться опредѣленіямъ Арльскаго собора привело императора въ гнѣвъ. Письма его, относящіяся къ этому времени, представляютъ болѣе очевидныя, чѣмъ его общественное поведеніе, доказательства его вѣры не просто въ единобожіе, но именно въ христіанство. Вотъ извлеченіе изъ одного:

«Какая дерзость! Чего еще надо этимъ людямъ? — они настоящія орудія сатаны! Они требуютъ суда отъ меня — отъ меня, котораго самого ожидаетъ судъ Христовъ! Они апеллируютъ ко мнѣ, какъ будто рѣшеніе касается гражданскихъ дѣлъ. Они предметы небесные превращаютъ въ земные; но я говорю искренно, что судъ священнослужителей долженъ быть принимаемъ такъ, какъ еслибы самъ Богъ возсѣдалъ въ ихъ судилищѣ. Ибо имъ не дозволено мыслить и судить иначе, чѣмъ какъ они наставлены ученіемъ Христа.» (Т. 1, стр. 289).

3-го іюля 323 г сраженіе при Адрианополѣ предвозвѣстило гибель Лицинію, а съ нимъ и язычеству, взятому имъ въ союзъ. Затѣмъ слѣдовали взятіе Визан-

тіи (скоро долженствовавшей перемѣнить свое имя) и другое сраженіе при Халкидонѣ, которое предало жизнь Лицинія милосердію побѣдителя.

На 49 году отъ роду, въ концѣ 323 года послѣ Рождества Христова, Константинъ сталъ владыкой міра, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько имперія заслуживала названія всемірной. Его положеніе, впрочемъ, въ двухъ ея частяхъ было никакъ не одинаково. На западѣ духъ управленія былъ существенно римскій, на востокѣ — существенно азіатскій. Константинъ съ 323 г. большую часть времени проводитъ на востокѣ и находится подъ сильнымъ вліяніемъ Евсевія кесарійскаго и Евсевія никомидійскаго. Мы раздѣляемъ съ Брогли его нерасположеніе къ обѣимъ этимъ личностямъ; но недостатокъ любви къ нимъ не заставляеть насъ забывать о долгѣ глубокой благодарности къ первому. Онъ истинный отецъ церковной исторіи; пробѣлъ, который причинила бы потеря его сочиненій, былъ бы невознаградимъ, и можно думать, что Сократъ и другіе церковные историки въ литературномъ смыслѣ были потомками Евсевія.

Въ отношеніи къ язычеству Константинъ провозгласилъ политику терпимости. Не всегда онъ слѣдовалъ этимъ началамъ; онъ не рѣшался прогнаться своимъ друзьямъ изъ христіанъ, когда они съ жаромъ начали, въ интересахъ нравственности, требовать разрушенія того или другаго языческаго капища. Онъ уступалъ имъ тѣмъ охотнѣе, что это было согласно съ его христіанскимъ чувствомъ, и измѣнялъ началамъ своей политики. Лучшимъ объясненіемъ и оправданіемъ такой политики можетъ служить слѣдующее разсужденіе Брогли: „Едва ли былъ языческій храмъ, въ таинственныхъ

закоулкахъ котораго не совершалось бы какихъ нибудь непристойныхъ или кровавыхъ обрядовъ. Язычество представляло вездѣ только одну огромную картину систематической и освященной безнравственности, и только религіозный авторитетъ, освящавшій эту безнравственность, могъ усыплять общественную совѣсть. Авторитетъ язычества палъ для самихъ язычниковъ: и въ язычествѣ остался одинъ соблазнъ. Съ того времени, какъ люди перестали приближаться къ олтарямъ Венеры, Приапа и Цибелы съ благоговѣнно-опущенными глазами, прекратилась возможность смотрѣть на нихъ безъ стыда и негодованія; Евангеліе, подобно восходящему солнцу, освѣтило своими лучами языческіе храмы и убѣжища священныхъ рощъ, нечистыхъ идоловъ и мрачныя церемоніи,—эту истинную школу преступленій и разврата, и общество удивилось, что такъ долго терпѣло все это“ (т. I, стр. 348).

Противъ донатистовъ Константинъ употребилъ гражданскія мѣры, взирая на отступниковъ отъ правовѣрія, какъ на враговъ благостоянія Церкви, (которое защищать, какъ покровитель ея, онъ почиталъ себя обязаннымъ), а вмѣстѣ и самаго государства.

Обращаясь къ вліянію христіанства на римское право, мы прежде всего замѣтимъ, что Брогли нигдѣ не высказалъ такой учености и такого умѣнья судить, какъ на страницахъ, посвященныхъ этому интересному предмету. Что Евангеліе имѣло вліяніе на знаменитый кодексъ, извѣстный подъ именемъ Θεодосіева, это утверждается и въ другихъ сочиненіяхъ <sup>(1)</sup>, но если мы не

---

(1) Напримѣръ, въ Mr Sandar's Introduction to his edition of *The Institutes of Justinian*, и въ Milman's *History of Latine Christianity*

ошибаемся, нигдѣ это не показано съ такою подробностію и точностію, какъ въ разбираемыхъ нами томахъ.

Для многихъ предметъ этотъ можетъ показаться сухимъ и незанимательнымъ. Но прежде, чѣмъ мы торопливо оставимъ его, размыслимъ хоть минуту объ его важности. Вопросъ имѣеть даже современное значеніе. Нерѣдко съ большимъ или меньшимъ убѣжденіемъ рационалисты высказываютъ такія вещи: „Говорите, что хотите, а все-таки Христосъ не есть великій и исключительный учитель, какъ усиливаются богословы представить Его. Греческая философія, римское законодательство, эти дивныя созданія древности, еще доселѣ питають человѣческой духъ точно также, какъ Евангелисты и Апостолы.“ Въ извѣстномъ смыслѣ это положеніе отчасти истинно, и въ извѣстномъ оно совершенно ложно.

Христіанство никогда не отвергало основаній естественной религіи. Оно никогда не утверждало, что всякое произведеніе падшаго человѣка было безусловно скверною, не удержавшею и слѣдовъ той лучшей природы, которая получена человѣкомъ въ раю. Божественный Основатель христіанства училъ воздавать кесарева кесареви; христіанство признало обязательную силу властей; оно сдѣлало доброе употребленіе изъ правъ гражданства; оно порицало выступившія изъ предѣловъ законности въ римскомъ смыслѣ власти города Филиппъ (Дѣян. 16); оно охотно воспользовалось для себя ясными и благородными правилами великаго народа, которыми требовалась опредѣленность обвиненій, и обвинитель и обвиняемый ставились лицомъ къ лицу (Дѣян. 24, 25). И когда христіанство восторжествовало надъ языческими преслѣдованіями, и Крестъ Христовъ вы-

силея надъ короной. оно не пыталось уничтожить все, что существовало до этого времени. Нѣтъ! все, что было истиннаго, честнаго, добраго, все это, гдѣ бы оно ни находилось. оно собирало подъ свой кровъ. Оно признало — возьмемъ примѣръ, близкій къ разсматриваемому предмету — правильныя формы, принятыя римскими законодателями. Но постепенно вносило въ каждый новый кодексъ духъ, начала и подробности, которыя никогда не представлялись языческому уму, и уничтожало то тѣ, то другіе недостатки, которые стоическимъ философамъ и римскимъ юристамъ не только не казались несовершенствами, а положительнымъ добромъ.

Говоря такъ, мы ни мало не расположены думать, что христіанскіе преобразователи римскаго права лично никогда не дѣлали ошибокъ въ своихъ измѣненіяхъ. Они могли ихъ дѣлать много; самъ Константинъ далеко не былъ вполне счастливъ въ своихъ первыхъ законодательныхъ реформахъ. Но ошибки отдѣльныхъ лицъ не отрицаютъ общаго благодѣтельнаго вліянія христіанства на римское законодательство. Если намъ поставить на видъ, что можно найти черты мудрости, справедливости, умѣренности въ знаменитыхъ кодексахъ императорскаго Рима, то мы не усумнимся принять это положеніе. Римскіе законы тамъ, гдѣ они хороши, не были отвергнуты Христовой вѣрою, но гдѣ они были худы, тамъ религія Креста ихъ присудила къ паденію. Такъ великолѣпная христіанская базилика по освященіи становилась не менѣе христіанскою церковію отъ того, что ея первоначальные строители посвятили ее Юпитеру или Палладѣ.

Желающаго познакомиться съ этимъ вопросомъ въ

подробностяхъ отсылаемъ къ томамъ Брогли. Мы можемъ здѣсь дать мѣсто лишь не многимъ указаніямъ на измѣненія, сдѣланныя Константиномъ и неказанныя Гиббономъ, хотя онъ и излагалъ ошибки, допущенныя императоромъ въ этой области управления. Уничтоженіе клеймъ на лбу, потому что человѣкъ созданъ по образу Божію (318 г.), уничтоженіе казни распятія и сокрушенія голеней (318), вспомошествованіе, предписанное бѣднымъ родителямъ въ предотвращеніе ихъ отъ выставленія дѣтей (315 г.), запрещеніе апеллированія въ Римъ изъ провинціи въ случаѣ насилія или похищенія, кто бы ни былъ виновный, и позволеніе судить тотчасъ же самимъ провинціямъ, внушеніе быть милосердыми съ обвиненными и удерживаться отъ пытокъ и отъ заключенія въ тюрьму прежде изслѣдованія, уничтоженіе закона, по которому дѣвство и бездѣтность считались преступленіемъ (319), поощреніе отпускать на волю рабовъ, особенно съ помощію и съ благословенія христіанскихъ священниковъ и епископовъ, свобода, данная всѣмъ солдатамъ, принявшимъ христіанство, присутствовать въ воскресные дни при богослуженіи, запрещеніе всѣхъ полевыхъ работъ въ эти дни и составленія всякихъ гражданскихъ актовъ, исключая актовъ объ освобожденіи рабовъ (321): вотъ реформы, сдѣланныя Константиномъ въ римскомъ законодательствѣ.

Въ томъ же самомъ духѣ и направленіи дѣлались измѣненія въ законодательствѣ и во времена, слѣдовавшія за Константиномъ. Церкви Христовой ставятъ иногда въ вину то, почему она, сдѣлавшись господствующею, не вдругъ уничтожила древнее рабство, а начала мало помалу уничтожать его. Брогли совершенно спра-

ведливо видить въ этомъ образъ дѣйствій Церкви не вину, а высокую мудрость.

„Внезапное уничтоженіе рабства“, пишетъ онъ, „подвергло бы древній міръ опасности умереть съ голоду, потому что онъ жилъ производительностію рабскаго труда. Оно отдало бы землю населеніямъ, безъ руководства не умѣвшимъ воздѣлывать ее, потому что древній рабъ — это было живое существо, не имѣющее инстинкта животныхъ и очень мало человѣческой понятливости. Много нужно было времени для того, чтобы создать и укрѣпить то уваженіе къ себѣ самимъ и къ другимъ, то почтеніе къ труду, тѣ чувства достоинства и независимости, которыя сдѣлали новѣйшія общества способными поддерживать свое существованіе усиліями труда свободнаго. Церковь, въ этотъ торжественный моментъ всемірной исторіи, приняла отъ Бога чрезъ Константина задачу — освободить міръ отъ рабства, не ниспровергая его. Выполнила ли она свое призваніе, объ этомъ могутъ судить новѣйшіе народы“ (т. I, стр. 306).

Но теперь поднималъ свою главу новый врагъ Церкви. „Малая искра, говоритъ Сократъ (1, 6), превратилась въ великій пожаръ. Зло получило начало въ церкви Александрійской“.

Одно имя Арія возбуждаетъ въ насъ отвращеніе и ужасъ. Къ Аполлинарію, Евтихію, Пелагію мы можемъ еще чувствовать состраданіе въ то самое время, какъ осуждаемъ ихъ заблужденія. Но Арій, вторгшійся съ земною логикою въ отношенія между Лицами Божества, — Арій, обнародывающій пѣсни для народа, чтобы вперить въ его умы свою смертоносную ересь, — Арій то высокоумѣрный, то льстивый, то грубый, то тонкій не

возбуждаетъ ни малѣйшаго участія къ себѣ. Одинъ Господь, знающій все зло, питаемое въ душѣ человѣкомъ, можетъ справедливо судить Арія: но если въ какомъ нибудь случаѣ человѣческое негодованіе на другихъ справедливо, такъ это въ отношеніи къ памяти того ересіарха, который на много вѣковъ и во многихъ странахъ возмутилъ Христово стадо (1)

Какимъ-то необъяснимымъ инстинктомъ Арій очень рано открылъ того раторборца, котораго милосердый Богъ возставилъ потомъ на изобличеніе его ложнаго ученія и для доставленія торжества правому. Арій жаловался на суровость своего епископа Александра, но „особенно жаловался на его молодаго секретаря,—человѣка, какъ онъ выражался, упорнаго и высокомернаго, который управляетъ добрымъ, старымъ іерархомъ“. Эпитеты, даваемые Аріемъ молодому александрійскому діакону, были ложны, но онъ не обманывался, когда предчувствовалъ въ діаконѣ самаго опаснаго противника себѣ. Еще тогда, значить, высказались великія способности въ томъ дивномъ мужѣ, котораго гений, какъ говоритъ Гиббонъ, въ послѣдующее время былъ бы несравненно способнѣе, чѣмъ выродившіеся сыновья Константина, управлять великой монархіей. Аѳанасій истинно былъ самый обширный умъ своего времени.

Первыя извѣстія о раздорѣ между Александромъ и Аріемъ возбудили въ императорѣ, какъ и можно было ожи-

---

(1) Брогли (т. I. стр. 378) приводитъ начало обнародованной Аріемъ поэмы, носившей имя *Diada*. „Въ сообществѣ избранныхъ божіихъ, святыхъ сыновъ, православныхъ, которые получили (в. Духа) я научился сѣдующему. Я шествовать по ихъ стопамъ, въ согласіи съ ними: — Арій знаменитыи, который пострадалъ за славу Божию.“

дать, большую досаду. Поспѣшно взявъ перо, онъ написалъ къ Александру и Арію письмо, о которомъ Брогли замѣчаетъ, что оно совмѣщаетъ странныя противоположности: высокоуміе владыки, покорность вѣрующаго и презрѣніе государственнаго человѣка къ возникшему несогласію; такъ какъ императоръ сначала полагалъ, что противники спорятъ о маловажныхъ и крайне-незначительныхъ предметахъ (*Ἐπερ μικρῶν καὶ λίαν ἐλαχίστων*—Сокр. 1, 7), то онъ увѣщевалъ ихъ ко взаимной любви и примиренію. Письмо отправлено было съ Оссіею, который долженъ былъ разузнать дѣло на мѣстѣ. Этотъ добродушный и честный іерархъ тотчасъ же замѣтилъ, что ученіе Арія проповѣдуетъ выпренности, дотолѣ неизвѣстныя въ христіанскомъ мірѣ. Но Александрія издавна отличалась расположенностію къ волненіямъ, и ересіархъ нашелъ здѣсь себѣ многихъ приверженцевъ. Въ то время, когда частыя проявленія непокорности привели Константина въ раздраженное состояніе, Арій началъ неблагоразумно хвастаться своими успѣхами. Константинъ тотчасъ же послалъ за Аріемъ. Искусный діалектикъ Арій не нашелъ себѣ соперника въ Константинѣ, но не нашелъ и довѣрчиваго слушателя. Тогда истинно-царственная мысль представилась Константину: для рѣшенія вопроса созвать на соборъ епископовъ всего христіанскаго міра.

Первую главу втораго тома Брогли посвящаетъ великому Никейскому Собору. Мы не знаемъ книги, которая-бы на столь не многихъ страницахъ (70 стр.) давала повѣствованіе стольже ясное и живописное, и проникнутое, кромѣ того, искреннимъ чувствомъ благоговѣнія и удивленія къ этой возвышеннѣйшей эпохѣ человѣческой исторіи, (такъ называетъ авторъ статьи

Единбургскаго обозрѣнія эпоху перваго вселенскаго собора). Но такъ какъ предѣлы нашей статьи не дозволяютъ намъ вдаваться вмѣстѣ съ Брогли въ подробности, то мы осмѣлимся изложить здѣсь не многія мысли, на которыя навели насъ наши скромныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Главные истины, которымъ учили отцы Церкви относительно естества Божія, могутъ быть изложены слѣдующимъ образомъ. «Богъ единъ; а такъ какъ Онъ существовалъ отъ вѣчности и такъ какъ ничто не могло придти къ бытію безъ его произволенія, то матерія не можетъ быть совѣчна Ему; потому что въ такомъ случаѣ уничтожилось бы одно изъ главныхъ Его свойствъ, всемогущество. Слѣд. было время, когда не существовало еще сотворенныхъ вещей. Безконечное число вѣковъ, убѣгающихъ въ безначальную вѣчность, Богъ существовалъ одинъ. Однакожь хотя одинъ безъ міровъ, безъ людей и ангеловъ, но не уединенъ—*solus non solitarius*, потому что отъ вѣчности было общеніе между лицами божественными. При совершенномъ единствѣ природы, въ Богѣ существовало три лица, — ученіе стольже непостижимое для человѣческаго ума, какъ и ученіе о безконечномъ абсолютномъ Существовѣ, что Оно должно быть непремѣнно лице. Никогда не было времени, когда бы вѣчный Отецъ былъ безъ Своего образа—вѣчнаго Сына. Равно не было времени, когда бы не исходилъ отъ Отца Св. Духъ. Рожденіе Сына есть рожденіе вѣчное и не прекращающееся, — Сынъ не только рожденъ въ прошедшемъ, но онъ рождается и въ настоящемъ, подобнымъ же образомъ вѣчно и непрекратимо исхождение Св. Духа. *Natus est Filius, et nascitur Filius: processit Sanctus Spiritus, procedit Spiritus San*

ctus. Отецъ есть Единный Богъ, Сынъ есть Единный Богъ, Духъ Св. есть Единный Богъ, и однакожь Отецъ не есть Сынъ, Сынъ не есть Св. Духъ, и Св. Духъ не есть Отецъ или Сынъ. И хотя всѣ три лица едино по существу, могуществу и вѣчности, однако же первенство личное относилось къ Отцу; Онъ ни отъ кого не рождается, но рождаетъ, ни отъ кого не исходитъ, но изводитъ Св. Духа“.

Мы выше замѣтили, что воплощеніе вѣчнаго Сына удовлетворяетъ желаніямъ человѣческаго сердца и спасаетъ умъ отъ крайностей пантеизма и многобожія. Все, что нужно было для спасенія человѣчества, все это совершено главнымъ образомъ чрезъ воплощеніе Сына. И въ Божествѣ или въ воплотившемся Словѣ всѣ чистыя земныя дѣятельности, отношенія и понятія находятъ первообразъ истины и совершенства, и сами они суть только подобіе этого первообраза. Не потому, что у людей есть отцы, Богъ аналогически называется отцемъ; Онъ есть Отецъ вѣчный, а земное отчество есть только тѣнь небснаго. Богъ есть Царь, не потому, что есть люди, носящіе это титло, которое можетъ быть приложено и къ Его всеправящему царевству, а потому, что Онъ есть Царь царей, и они суть только слабые и временные его представители. Нѣчто подобное можно сказать и о священствѣ человѣческомъ сравнительно съ священствомъ Христовымъ; тоже самое должно повторить о сыновствѣ втораго лица Св. Троицы сравнительно съ земнымъ сыновствомъ.

Заблужденіемъ Арія было, что онъ смотрѣлъ на отношенія между лицами Св. Троицы. не какъ на высшія, реальнѣйшія отношенія. о которыхъ нельзя судить аналогически, заключая отъ земныхъ отношеній. Его

грубая и пригодная для земныхъ предметовъ діалектика заключала такъ: „если Отецъ родилъ Сына, то рожденный имѣеть начало бытія; а отсюда явно, что было время, когда не было Сына, и необходимо слѣдуетъ, что Онъ имѣеть свою личность отъ того, чего нѣкогда не было“. Его приверженцы въ общественныхъ мѣстахъ спрашивали проходящихъ, особенно женщинъ: „имѣла ли ты сына прежде, чѣмъ дала ему рожденіе“, и, получая отрицательный отвѣтъ, присовокупляли: „это не больше возможно и для Всемогущаго“.

Мы осмѣлились пересказать эти столь обыкновенныя и общеизвѣстныя истины потому, что отъ понятія о ихъ важности или неважности зависитъ взглядъ на характеръ и дѣятельность св. Аѳанасія. Если бы разница между нимъ и Аріемъ касалась только тонкостей въ словахъ, если бы дѣло шло лишь о внѣшнихъ очертаніяхъ вѣры, какъ по началу думалъ и Константинъ, тогда продолжительные и непрерывные труды, бѣгство и страданія первенствующаго епископа Египта могли бы быть считаемы, по меньшей мѣрѣ, не нужнымъ упорствомъ. Извѣстенъ саркастическій отзывъ Гиббона, что различіе между спорными выраженіями: *ὁμοούσιος* и *ὁμοιούσιος* (единосущный и подобосущный), изъ-за которыхъ болѣе полстолѣтія боролись между собой православные и аріане, состояло въ одной буквѣ (іотѣ—). Прекрасно и умно отвѣчалъ одинъ англійскій богословъ, что и слово: *Creator* (по древнему англійскому правописанію)—творецъ различается тоже одною буквою отъ слова *creature*—тварь. А между тѣмъ въ этомъ, по видимому, маломъ различіи въ словахъ скрывается бездна непроходимая въ значеніи; потому что человѣкъ, положимъ, сдѣлавшійся въ лицѣ Иисуса Христа причаст-

никомъ божественнаго естества, никогда не сдѣляется одного существа съ Тѣмъ, Кто сотворилъ его. Аріанское ученіе ставило нашего Господа только твореніемъ, — первымъ, высочайшимъ, лучшимъ, чистѣйшимъ изъ всѣхъ твореній, но все-таки твореніемъ, и потому гораздо менѣе удаленнымъ отъ насъ, чѣмъ отъ Бога.

Живое описаніе дивнаго Собора Никейскаго, какъ оно сдѣлано у Брогли, вполне заслуживало бы повторенія на этихъ страницахъ; но у насъ нѣтъ мѣста. Въ Никею прибылъ св. Пафнутій, епископъ Фивайдскій, влачившій свою ногу, у которой мускулы были перерѣзаны въ то время, когда онъ работалъ въ рудоконьяхъ; здѣсь Павелъ, епископъ Неокесаріи на Евфратѣ, давалъ благословеніе рукою, изувѣченною огнемъ; здѣсь были святые отшельники, служившіе представителями того не-мірскаго элемента, который былъ теперь такъ нуженъ, чтобы перевѣсить грозившее опасностями вліяніе придворной партіи двухъ Евсевіевъ. Слѣдующая особенность, на которую, сколько мы помнимъ, не указываетъ ни одна новѣйшая исторія этого времени, весьма замѣчательна: на соборѣ присутствовали многіе языческіе философы. Очень естественно, что на ихъ взглядъ Арій казался разсуждающимъ болѣе логично; такъ и должно было быть для тѣхъ, кто допустилъ бы *прѣтот ѷεδοσ* его системы, — примѣненіе земныхъ понятій къ природѣ божественной. Они не могли войти въ духъ замѣчанія, сдѣланнаго однимъ отцемъ Собора на разсужденіе аріанина: „Ахъ! другъ мой, мы уже предупредили васъ однажды навсегда, что когда разсматриваются божественныя таинства, мы не должны спрашивать: какъ и почему.“ Однакожь до насъ дошло извѣстіе величайшей достовѣрности, что одинъ краснорѣчи-

вый и талантливый язычник былъ заставленъ замолчать и совсѣмъ растерялся, вслѣдствіе нѣсколькихъ простыхъ вопросовъ престарѣлаго, неученаго христіанина, который во дни гоненій былъ исповѣдникомъ за вѣру Христову; язычникъ былъ побѣжденъ, какъ самъ объявилъ, тѣмъ несокрушимымъ убѣжденіемъ, съ какимъ этотъ простой христіанинъ на всѣ важныя хитросплетенія отвѣчалъ словомъ: *вѣрую*.

*(Окончаніе впродѣ.)*

## ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКІЕ ИМПЕРАТОРЫ (\*).

(Окончаніе).

Весь вопросъ Никейскаго Собора, говоря словами Единбургскаго Обзорнiя, состоялъ въ слѣдующемъ: „что содержала и чему учила съ самаго начала Церковь»? Когда Аріи, ставъ предъ Соборомъ и отвергнувъ тѣ видоизмѣненія, на которыя оба Евсевія были склонны согласиться, открыто объявилъ, что нашъ Господь — не Богъ, а только причастникъ божества въ томъ смыслѣ, въ какомъ и другіе люди, согласно съ Св. Писаніемъ, причастники божества; то его положенія, выслушанныя всеми, вызвали общее осужденіе.

Евсевій (историкъ) предложилъ было исповѣданіе, составленное имъ самимъ, въ которомъ о вѣчномъ Словѣ просто повторялось выраженіе Ап Павла: перво-рожденъ всяя твари — *πρωτογενος προσε κτιστος*. Но Аѳанасій великій, который хотя и не занималъ еще епископскаго престола (ему было 27 лѣтъ), но уже руководилъ Соборомъ, видѣлъ, что такой языкъ, хотя онъ языкъ истинный, не опредѣляетъ вполне предмета и что здѣсь нуженъ новый терминъ, новый отчасти по формѣ, но не по существу смысла. Этимъ терминомъ, какъ извѣстно, было слово—единосущный (*ὁμοουσιος*). Вообще въ ученіи вѣры надобно избѣгать новыхъ терминовъ. Но

---

(\*) Первые двѣ статьи помѣщены въ 6 и 7 №Христ. Чтенія за настоящій годъ.

настоящее изобрѣтеніе оправдывалось необходимостію, потому что еретики утверждали, что Сынъ Божій иной впостаси или сущности (εξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας), что Онъ премѣняемъ или измѣняемъ (τρέπτὸς ἢ ἄλλοίωτος); оно затѣмъ оправдано было благословеніемъ свыше, потому что этотъ терминъ съ тѣхъ поръ сталъ пробнымъ камнемъ истинной вѣры, и Церковь вселенская никогда не рѣшалась отмѣнить, или какъ нибудь измѣнить его. Подобно слову *Троица*, хотя слова—*единосущный* нѣтъ въ Св. Писаніи, но оно выражаетъ смыслъ Св. Писанія.

Полуаріанское ученіе, составившееся изъ уступокъ обѣимъ сторонамъ— православной и еретической, еще болѣе запутывало мысли вѣрующихъ, чѣмъ положенія самого Арія. Оно было даже опаснѣе: полуаріанами были лица умныя, занимавшія высокія мѣста при дворѣ и въ администраціи имперіи. Оно нашло себѣ многочисленныхъ приверженцевъ въ томъ разрядѣ людей, которые всегда существовали и всегда будутъ существовать, — людей, любящихъ занимать, такъ называемую, золотую средину. Такимъ людямъ надобно показать, что ихъ положеніе не всегда бываетъ свободно отъ опасностей.

Между людьми честными и равно между людьми сомнительнаго характера встрѣчаются лица, избѣгающія крайностей всякаго рода. Они часто бываютъ удивительно полезными дѣятелями. Во времена спокойныя, когда ихъ опасенія ограничиваются одними намѣреніями, противоположными ихъ основному направленію, они часто держатъ сторону правую. Но во времена безпокойныя имъ не всегда можно держаться такого простаго образа поведенія. Забывая, что истина и правда суть нѣчто

реальное само въ себѣ, и что уклоненіе отъ нихъ, положимъ, незначительное, все таки есть заблужденіе, они измѣняютъ свое знамя согласно съ тономъ лицъ, окружающихъ ихъ; они съ удовольствіемъ думаютъ и говорятъ, что они не крайніе люди—даже въ такомъ случаѣ, когда они твердо держатся убѣжденій, которыя считались за крайнія ими самими двадцать лѣтъ раньше. И когда такіе люди, будучи сами не замѣшаны въ геройскую борьбу, встрѣчаютъ геройски ратующихъ, они слишкомъ способны считать ихъ людьми безпокойными, неуступчивыми, немиролюбивыми, неосторожными и т. д. Этимъ способомъ, мы думаемъ, только и можно объяснить тайну того недовѣрія, какое нѣкоторые изъ современниковъ св. Аѳанасія великаго чувствовали къ нему, и того успѣха, какой имѣло полуаріанское ученіе,— ученіе срединное между православнымъ и еретическимъ. Въ настоящее время, можетъ быть, найдется не мало людей, которые, еслибы они жили во время св. Аѳанасія, по своей осторожности и изъ опасенія крайностей находились бы между полуаріанами.

Нисколько не удивительно, что народная вѣра, подъ впечатлѣніемъ великости Никейскаго зрѣлища, допустила нѣкоторые особенные рассказы относительно этого великаго событія, чудесныя исторіи, не носящія на себѣ никакихъ слѣдовъ критическаго изслѣдованія, но которыя служатъ доказательствомъ, какое живое впечатлѣніе было произведено на умы христіанъ того времени первымъ вселенскимъ Соборомъ. Рассказываютъ, напр., что подписи Хризанція и Мусонія, двухъ епископовъ, скончавшихся въ продолженіе засѣданій Собора, были найдены вмѣстѣ съ подписями другихъ епископовъ живыхъ — подъ никейскимъ символомъ, что ихъ имена

были написаны и ихъ печати приложены, очевидно, не рукою смертнаго.

„Эти благочестивые рассказы, лишённые совершенно исторической достовѣрности, служатъ однакожъ свидѣтельствомъ безъискусственнаго, простодушкаго удивленія народа къ дѣлу никейскихъ Отцевъ. На самомъ дѣлѣ Духъ Св. своимъ соприсутствіемъ на Соборѣ совершилъ болѣе великое чудо, чѣмъ о какихъ рассказываютъ народныя преданія. Малая Азія, гдѣ христіанская Церковь держала свой первый верховный судъ, за нѣскольکو столѣтій предъ симъ была особенно производительна на всякаго рода суевѣрія и заблужденія философскія и религіозныя. Философія и поэзія находили для себя здѣсь любимое мѣстопробываніе. Южный берегъ этой страны покрывали развалины Трои, блестящаго поприща гомерическихъ героевъ. Не было здѣсь ни одного цвѣтущаго города вдоль берега Іонійскаго моря, не было острова на Архипелагѣ, который не хвалился бы покровительствомъ какого нибудь божества или рожденіемъ того или другаго мудреца. Самось имѣлъ храмъ Нептуна, и былъ мѣстороженіемъ Пифагора. Аполлонъ Кларосскій и Діана Ефесская были почитаемы на тѣхъ же самыхъ берегахъ, гдѣ учили Фалесъ и Анаксимандръ, и гдѣ Гераклитъ впервые увидѣлъ свѣтъ. Но продолжительныя усилія обитавшаго здѣсь народа — понять и выразить существо Божіе произвели до этого времени только сонныя грезы, идоловъ и чудовищъ. И менѣе, чѣмъ въ шесть недѣль, триста человекъ, незнакомыхъ другъ другу, съѣхавшихся съ противоположныхъ концовъ міра, говорящихъ различными языками, составляютъ точную и сильную формулу ученія о божественномъ естествѣ, — формулу, перешедшую всѣ океаны и

и всё вѣка! И въ настоящій день, пишетъ Брогли, по прошествіи полуторыхъ тысячъ лѣтъ, отъ одной окончности цивилизованнаго міра до другой, въ уединенныхъ деревняхъ на Альпахъ, на неизвѣстныхъ островахъ океана, открытыхъ новѣйшею предприимчивостію, когда торжественное воскресное богослуженіе поднимаетъ къ небу головы, понижшія отъ труда къ землѣ, слышится пѣніе, повторяющее одинъ и тотъ же гимнь во славу Единосущной Троицы“.

Сочиненіе, рассматриваемое нами, раздѣлено на главы, изъ которыхъ каждая носитъ одно заглавіе. Признаемся, мы подозрительно смотримъ на достоинство такого плана. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ хорошо соотвѣтствуетъ дѣлу: но мы думаемъ, что если книга не состоитъ изъ однихъ размышленій объ исторіи вмѣсто самой исторіи, то лучше держаться рода оглавленій, употребленнаго Гиббономъ, т. е. дѣлать подробныя перечисленія предметовъ, содержащихся въ той или другой главѣ. Пятая глава, на которой мы теперь останавливаемъ вниманіе своихъ читателей, богата интересными предметами. Таковы (мы поименуемъ немногіе): законъ объ уничтоженіи гладіаторскихъ игръ, упорство Рима въ язычествѣ, неудовольствіе, питаемое жителями его противъ императора, въ сердцѣ уже христіанина, опроверженіе легенды, будто Константинъ крещенъ былъ въ Римѣ <sup>(1)</sup>, посѣщеніе Константиновой матерію Еленою Іерусалима, ся открытія здѣсь, ея постройки и ся смерть.

---

(1) Эта исторія, повторявшаяся нѣкогда всеми католическими писателями, теперь совершенно оставлена. Даже Рорбахеръ, который въ своей Церк. исторіи вполне слѣдуетъ Баронію, въ этомъ пунктѣ оставляетъ дѣлоища. Но крещальница римская такъ долго на всемъ Западѣ счи-

Слѣдующая глава свободна, по крайней мѣрѣ, отъ упрека въ томъ, что она носитъ одно заглавіе. Она посвящена, за исключеніемъ двухъ или трехъ страницъ, на которыхъ авторъ разсуждаетъ о церковныхъ дѣлахъ, единственно и исключительно предмету, обозначенному въ заглавіи, — основанію Константинополя. Она показываетъ, какъ многое могутъ сдѣлать, и какъ многого не могутъ сдѣлать усилія одного человѣка, пытающагося создать въ два года новую столицу міра.

Болѣе 2000 лѣтъ прошло со времени персидскаго полководца Мегабаза, сказавшаго, что поселенцы, основавшіе Халкидонъ, непременно были слѣпы, иначе они никогда не выбрали бы такого мѣстопробыванія, ибо насупротивъ лежитъ мѣсто далеко лучшее (1). Приговоръ послѣдующаго времени оправдалъ судъ храбраго вождя. Византія остается до сихъ поръ, можно сказать, завиднымъ для всѣхъ націй городомъ міра.

Константинъ, котораго имя, не смотря на турецкое владычество, до сихъ поръ привязано къ этой столицѣ, основалъ ее частію, какъ замѣчаетъ Брогли, слѣдуя политикѣ Діоклетіана, частію потому, что былъ увѣренъ въ невозможности сдѣлать изъ Рима христіанскую столицу. Внутренняя, общественная система, введенная Константиномъ, знаменуетъ собою эпоху переворота. Вообще говоря, попытка чрезъ основаніе новой столицы остановить паденіе состарившейся имперіи лишь доказала, что имперія должна пасть.

---

талась мѣстомъ крещенія Константина, что Бро ли съ сожалѣніемъ признаетъ неосновательность легенды. Римскій народъ долго еще будетъ и самъ вѣрить и путешествующимъ говорить о своей крещальницѣ, какъ о мѣстѣ крещенія перваго христіанскаго императора.

(1) Ирод. кн. IV, гл. 144.

Великій, средневѣковой поэтъ, уроженецъ Флоренціи, согласно съ духомъ своего времени, даетъ астрологическое объясненіе тому, почему Константинъ, основавшій Константинополь, не имѣлъ такого блестящаго успѣха, какъ Эней, основавшій Римъ (1). Эней, говоритъ онъ, плывя изъ Трои въ Италію, слѣдовалъ теченію солнца отъ востока къ западу, а Константинъ наоборотъ. Брогли, который не отрицаетъ тоже, что попытка отчасти не удалась, приписываетъ неудачу болѣе земнымъ причинамъ. Онъ, если мы только вѣрно поняли его мысль, объясняетъ неуспѣхъ тогдашнимъ незнакомствомъ съ истинными началами политической экономіи.

Противъ мнѣнія, что Константинополь ничего хорошаго не сдѣлалъ для цивилизаціи и блага міра, авторъ протестуетъ съ особенной силой. „Все, что существуетъ и чему дозволяется существовать, то входитъ въ планы Божіи“; Константинополь былъ опекуномъ, сохранившимъ для всей новѣйшей Европы римское право, „которое было самымъ высшимъ идеаломъ правды, о какомъ только мечталъ человѣческій умъ прежде пришествія Евангелія“. Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что для Европы Славянской онъ былъ, кромѣ того, апостоломъ христіанства.

Слишкомъ поздно мы замѣтили, что предприняли и сдѣлали нѣчто большее, чѣмъ только представили сокращенный обзоръ вышедшихъ четырехъ томовъ исторіи Брогли. Статья выходитъ слишкомъ велика, и послѣдній томъ останется неразобраннмъ нами, пока появленіе заключительныхъ главъ, обѣщаемыхъ авто-

---

(1) Dante, Paradiso, VI, 1.

ромъ, не дасть намъ случая возвратиться снова къ этому, замѣчательному въ европейской литературѣ послѣднихъ годовъ, труду. Мы указали много важныхъ предметовъ, о которыхъ Брогли разсуждаетъ; еще больше мы должны были опустить. Но одно, мы увѣрены, мы выполнили, это—взятую на себя обязанность познакомиться нашихъ читателей съ тѣмъ умственнымъ богатствомъ, которое разсыпано на страницахъ Брогли.

Минова побѣды Константина надъ Готами и Сарматами, мы снова обращаемъ вниманіе читателей къ Александріи. Здѣсь, въ 328 г., Аѳанасій былъ избранъ на епископскій престолъ, сдѣлавшійся празднымъ со смертію Александра, и съ этихъ поръ онъ занимаетъ въ исторіи болѣе видное мѣсто, чѣмъ даже какое занимаютъ преемники Константина. Событія, сопровождавшія это избраніе, разсказаны съ живостію и силою въ разбираемомъ сочиненіи, и мы согласны съ Амперомъ, разбиравшимъ въ *Revue de deux Mondes* исторію Брогли, что практическое знакомство съ дѣйствительными спорами много облегчило автору трудъ понять и, такъ сказать, войти въ споры и взаимные перекоры тогдашнихъ партій. Мы не можемъ теперь описать здѣсь сценъ на соборѣ въ Тирѣ, ряда хитростей, которыми Аріи пытался преклонить къ себѣ слухъ Константина, и изгнанія св. Аѳанасія въ Трирѣ. Аріи, какъ извѣстно, явился въ Константинополь, коварно и софистически согласился на опредѣленія Никейскаго Собора (Сокр. кн. 1, гл. 38). Царь, не подозрѣвая хитрости, приказалъ Константинопольскому епископу Александру принять Арія въ общеніе. Это было въ одну изъ субботъ 336 г. Въ Константинополѣ начались волненія. Между тѣмъ епископъ Константинопольскій Александръ,

боясь козней ересіарха, наложилъ на себя постъ и слезно молилъ Господа о томъ, что если ученіе Арія истинно, то пусть самъ епископъ не увидитъ дня, назначеннаго для состязанія съ еретикомъ; а если истинная вѣра есть вѣра, содержимая епископомъ, то пусть Арій, какъ виновникъ всѣхъ бѣдъ, получитъ наказаніе за свое нечестіе.

Нѣсколько минутъ спустя, послѣ того, какъ императоръ отдалъ епископу свое приказаніе, Арій шелъ со всѣми знаками торжества по городу; окруженный друзьями, онъ съ ними нарочно разговаривалъ громко, чтобы проходящіе могли замѣтить его торжество. Въ то время, когда онъ подходилъ къ Константиновскому форуму, онъ почувствовалъ себя внезапно нездоровымъ, и удалился въ сторону въ уединенное мѣсто. Тамъ постигла его мгновенная, непредвидѣнная смерть, и этотъ фактъ внезапной смерти, къ нашему безконечному благоговѣнію, останется навѣки неизгладимымъ на страницахъ исторіи. Арій, опровергатель божества Того, кто умеръ за насъ, погибъ въ самый часъ своего торжества; подобно апостолу, предавшему Божественнаго Учителя, у Арія лопнуло чрево и всѣ внутренности вышли вонъ.

„Самое ученіе его трудно опредѣлимо; но его имя сохранило печальную извѣстность, время отъ времени служа нарицательнымъ для всѣхъ тѣхъ, которые въ мірѣ, обновленномъ христіанствомъ, покушаются лишить человѣчество его главнаго права на славу и его единственной надежды на спасеніе.“ Том. II, стр. 362.

Въ слѣдующемъ году (337) въ день св. Троицы умеръ великій императоръ, котораго жизнь составила такую эпоху въ исторіи Церкви; умеръ, по собственному же-

ланію принявши предъ смертію таинство крещенія, которое онъ до тѣхъ поръ отлагалъ (1).

Еще до полученія неограниченной власти въ имперіи, — стать на сторону христіанъ — это требовало самаго высокаго мужества, и мы едва ли можемъ вообразить, сколько страшнаго заключало въ себѣ подобное рѣшеніе Константина при тогдашнемъ положеніи вещей.

Что утверждение, какъ господствующей, вѣры въ Распятаго, подобно всѣмъ реформамъ въ мірѣ, сопровождалось серьезными испытаніями всякаго рода для реформатора, противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Но чтобы, безъ утвержденія господства, христіанство могло войти въ жизнь общества и совершить то, что оно на самомъ дѣлѣ совершило, это трудно допустить.

Благодарный востокъ призналъ и признаетъ Константина святымъ. Другіе судьи напротивъ видятъ всѣ его дѣйствія, не исключая и его обращенія къ христіанству, въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ и приписываютъ эту переменѣ только побужденіямъ земной политики. Приговоръ Нибура, повторяемый потомъ большинствомъ писателей, имѣвшихъ случай касаться Константина, представляется намъ крайне невѣрнымъ, и мы не можемъ понять, какимъ образомъ могъ его составить и усвоить писатель, хорошо знакомый съ христіанскою и языческою литературою того времени. Мы могли бы доказать, что многіе изъ фактовъ, принимаемыхъ знаменитымъ критикомъ XIX вѣка, имѣютъ сомнительную

---

(1) Это отлагательство крещенія вовсе не было рѣдкостію въ то время; еще Тертуліанъ его одобряетъ. Его внушалъ страхъ потерять

достоверность, и что сужденія его недоказательны. Но мы обращаемся къ изложенію дѣла у Брогли—самому лучшему, какое только намъ приходилось встрѣчать у западныхъ писателей.

„Часто спрашиваютъ, что руководило Константиномъ въ его обращеніи: чувство ли истинной вѣры или тонкій политическій расчетъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ смысла, даваемого искренней вѣрѣ, и отъ проявленій, въ какихъ хотятъ видѣть ее. Если не признавать другаго рода вѣры, кромѣ покаяннаго сокрушенія, преобразующаго порочное сердце, отвращающаго его отъ земныхъ предметовъ и очищающаго отъ человѣческихъ страстей: то такая вѣра не обитала въ сердцѣ Констанціева сына, честолюбиваго и часто жестокаго, до самой предсмертной болѣзни. Но если убѣжденіе въ истинахъ, открытыхъ въ Евангеліи, благоговѣніе предъ сверхъ-естественной силой Христовой и предъ авторитетомъ Церкви, твердая рѣшимость оставаться въ покорности Христу и Его Церкви и за Христово ученіе идти на встрѣчу всѣмъ затрудненіямъ и опасностямъ, живое и глубокое удивленіе истинѣ, — если всѣ эти чувства, вполне заслуживаютъ того, чтобы считать ихъ признаками искренняго и сознательнаго убѣжденія: тогда невозможно ни на минуту усумниться въ искренности обращенія Константина. Никакое эгоистически-политическое побужденіе не могло имѣть мѣста здѣсь: внезапное исповѣданіе Константиномъ новой вѣры отчуждало отъ него большую половину его подданныхъ и порывало связь со славными воспоминаніями и преданіями римской имперіи. Еслибы онъ, однажды признавъ себя христіаниномъ, принесъ сюда одну только заботливость государя о неограниченной власти, то

мы никогда бы не увидѣли Константина принимающимъ участіе во внутреннихъ разсужденіяхъ Церкви, не увидѣли бы въ немъ соединенія религіозной ревности и нерѣшительности дѣйствій; онъ просто сталъ бы распоряжаться дѣлами Церкви безъ всякихъ преній. Въ монархѣ, отличавшемся высокой твердостію характера, во владыкѣ, обладавшемъ всѣми средствами заставить принять свою волю, нерѣшительность, которая могла происходить только изъ совѣстливости (изъ опасенія, какъ бы не сдѣлать чего противнаго истинѣ и правдѣ) служить настоящимъ доказательствомъ доброй вѣры его“.

Слава людей большею частію зависитъ отъ важности событій, среди которыхъ они жили, и не одно славное имя обязано своею знаменитостію случайнымъ стеченіямъ событій. Судьба Константина рѣшительно не такова. Въ немъ напротивъ величіе его дѣла примрачаетъ славу дѣлателя. Между слѣдствіями его царствованія и между его личными достоинствами никакъ нѣтъ (и не можетъ быть) правильнаго отношенія причины и дѣйствія... Несмотря на это исторія такъ немного знаетъ государей, подобныхъ Константину,—государей, посвятившихъ служенію благородному дѣлу свою власть и свое честолюбіе, что она имѣетъ право, встрѣчаясь съ такими, требовать для нихъ справедливости людей. и надѣяться на особенную милость Божію къ нимъ.“ Т. II; стр. 330.

Мы дошли наконецъ до III тома. Онъ открывается св. Аѳанасіемъ въ Римѣ. Разсуждая о возвышеніи папъ, не необходимо все это приписывать недостойнымъ интригамъ и свѣтскому честолюбію. „Римъ“, говоритъ англичанинъ Гуссей (Hussey) въ своемъ сочиненіи противъ главенства, „въ это время и нѣкоторое время послѣ при-

обрѣталъ себѣ предсѣдательство чести не только своими епископами—мучениками и своею благотворительностію бѣднымъ Церквамъ, но также своимъ православіемъ, своимъ мужествомъ и искусствомъ, съ какими онъ ратовалъ за истину противъ разнообразныхъ заблужденій“. Но если Юлій стоялъ за правую сторону и благородно защищалъ дѣло Аѳанасія, то этого никакъ нельзя сказать о его преемникѣ Либеріѣ, державшемся аріанскихъ заблужденій. Мы не будемъ разбирать его дѣйствій, только замѣтимъ, что этотъ безспорный историческій фактъ никоимъ образомъ не мирится съ ультрамонтанской теоріей, проповѣдующей непогрѣшимость всѣхъ папъ вообще и каждаго въ особенности въ дѣлахъ вѣры, и проповѣдуемой большею частію римско-католическихъ писателей. Брогли, въ слѣдъ за де-Мэстромъ и многими другими говоритъ, что Либерій дѣйствовалъ только, какъ частный учитель, давая этимъ разумѣть, что еслибы онъ дѣйствовалъ официально, какъ папа, то въ своемъ паденіи онъ увлекъ бы за собою и Вселенскую Церковь. Мы нисколько не расположены представлять это различіе между частными и публичными дѣйствіями человѣка однимъ только хитросплетеніемъ; потому что различіе это всегда соблюдалось въ официальныхъ сферахъ. Нѣтъ посланника въ мірѣ, который бы ежедневно не совершалъ дѣйствій, которыя должны быть понимаемы, какъ частныя дѣйствія и за которыя нація его не отвѣчаетъ. Когда, впрочемъ, сѣются примѣнить это различіе частныхъ и официальныхъ дѣйствій къ несчастному паденію Либерія въ арианство, то мы не можемъ удержаться, чтобы не замѣтить, во 1) что нелегко понять, какъ такое дѣйствіе Либерія, какъ подпись подъ аріанскимъ символомъ, мо-

жетъ быть считаемо частнымъ дѣйствіемъ въ какомъ нибудь епископѣ, тѣмъ больше—въ первенствующемъ епископѣ; и во 2) то положеніе, будто публичныя дѣйствія перваго епископа Римскаго или Карѳагенскаго дѣлають отвѣтственною всю Церковь, нигдѣ, кажется, не встрѣчается у великихъ христіанскихъ учителей того времени. Въ доказательство мы приведемъ одно мѣсто изъ Августина, на которое, кажется, не отвѣчалъ ни одинъ Римскій ученый: „Каковы бы ни были Марцеллинъ, Марцеллъ, Сильвестръ, Мильтіадъ (епископы римскіе), Менсурій, Цециліанъ (епископы карѳагенскіе) и другіе, пусть укоряють ихъ, въ чемъ хотять, это нисколько не вредитъ Церкви, распространенной по всему земному шару: ихъ невинность никоимъ образомъ не вѣнчаетъ насъ, и равно ихъ неправда не осуждаетъ“ (1). Здѣсь нѣтъ и намека на различеніе въ епископахъ частныхъ и общественныхъ дѣйствій;—Августинъ прямо говоритъ, что пусть верховные епископы Ливіи или Италіи дѣлають, что хотять, Вселенская Церковь нимало не потерпитъ отъ этого.

Мы не можемъ вмѣстѣ съ авторомъ слѣдить дальнѣйшей судьбы Аѳанасія. Это очень прискорбно; потому что едва ли это не самый лучший очеркъ жизни св. исповѣдника; здѣсь необыкновенно удачно въ повѣствованіе о страданіяхъ Аѳанасія вставляются извлеченія изъ его сочиненій. Впечатлѣніе, оставляемое изображеніемъ Бро-

---

(1) *Prorsus qualescunque fuerint Marcellinus, Marcellus, Silvester, Melchtiades, Mensurius, Caecilianus atque alii quibus obijciunt pro sua dissensione quod volunt, nihil praepjudicat Ecclesiae Catholicae toto terrarum orbe diffusae. nullo modo eorum innocentia coronamur, nullo modo eorum iniquitate damnatur* Tom. IX. pp 542, 543 (ed. Ven.) Трактатъ, изъ котораго заимствовано мѣсто это, одинъ изъ многихъ, написанныхъ Августиномъ противъ Донатистовъ.

гли, будетъ, безъ сомнѣнія, на различные умы различно, но главнымъ образомъ оно будетъ зависѣть, какъ мы замѣчали и прежде, отъ вопроса: дѣло, за которое такъ много ратовалъ св. Аѳанасій, было или нѣтъ достойно трудовъ и безпокойствъ всей его продолжительной жизни? Дѣло, какъ мы выше показали, было величайшей важности, и это еще болѣе возвышаетъ въ глазахъ каждаго православнаго христіанина образъ архіепископа александрійскаго. Другіе современники его показывали недостатокъ провицательности, или поддавались вліяніямъ страха или лести, или, охраняя истину, становились жестокими и суровыми по отношенію къ своимъ друзьямъ, или не показывали должнаго повиновенія своему государю: „въ одномъ Аѳанасіѣ во все продолженіе этой борьбы не видно ничего другаго, кромѣ того, что достойно мудрому человѣку дѣлать, а справедливому претерпѣть. Положеніе дѣлъ того времени было такое: полстолѣтія тянулся споръ о томъ, которая изъ двухъ сторонъ возметъ въ концѣ верхъ, та ли, которая имѣла все и всѣхъ на своей сторонѣ, или другая, которая не имѣла ничего и никого, кромѣ Бога и смерти,—Бога, какъ защитника невинныхъ, и смерти, какъ предѣла всѣхъ земныхъ тревогъ“.

Между тѣмъ язычество, послѣ ниспроверженія его оружіемъ и политикою Константина, вступило въ новый весьма замѣчательный фазисъ. Во время царствованія Констанція II (онъ скоро сдѣлался единственнымъ государемъ) оно сдѣлало еще одну попытку возвратить себѣ потерянную власть. Оно завело теперь свои собственные школы, въ которыхъ начали обращать въ аллегоріи всю мифологію древнихъ поэтовъ; оно завело своихъ профессоровъ магіи; въ почитаніи Миѳеры оно

начало создавать систему богопочтенія, во внѣшнемъ видѣ имѣвшую большое сходство съ христіанствомъ; въ неоплатонической Александрійской школѣ оно имѣло родъ quasi богословія своего собственнаго.

Это послѣднее усиліе языческихъ мудрецовъ не осталось безплоднымъ: „Промыслъ по таинственнымъ и премудрымъ планамъ своимъ еще разъ допустилъ язычеству возсѣсть на тронѣ, еще разъ воздвигнуть гоненіе, чтобы потомъ оно пало на вѣки“ (1). На этотъ разъ мы заключимъ свой обзоръ картиной, которая послужитъ приличнымъ концемъ настоящей статьи и исходнымъ пунктомъ слѣдующей, если Богъ поможетъ возвратиться къ этому предмету.

Событіе, изображаемое въ картинѣ, происходитъ въ Аѳинахъ весной 355 года; Аѳины уже болѣе не отчизна знаменитыхъ государственныхъ людей, уже не владычица морей, но онѣ — отчизна искусства, философіи, поэзіи и краснорѣчія, еще *всемирная академія*.

И здѣсь, гдѣ учился Цицеронъ и куда отправилъ онъ учиться своего сына, здѣсь, гдѣ изучалъ философію Гораций, здѣсь, гдѣ Аврелій Антонинъ научился самой лучшей мудрости, какую только язычество могло сообщить, — здѣсь въ настоящее время, среди толпы учениковъ со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра, особенно замѣтны и стоятъ, такъ сказать, на первомъ планѣ трое питомцевъ: два изъ нихъ очень дружны между собой, третій, хотя не другъ ихъ, но хорошо знаетъ ихъ. Всѣ трое усердно преданы занятіямъ грамматикой, исторіей, поэзіей, астрономіей, ариѳметикой, геометріей, даже медициной; всѣ трое дѣлаютъ большіе успѣхи въ искусствѣ мыслить и излагать мысли. Но какъ различно упо-

(1) Брогли, т. III, стр. 332.

требленіе, которое они сдѣлаютъ изъ своихъ природныхъ даровъ и прибрѣтенныхъ знаній! Одинъ будетъ извѣстенъ потомству подъ именемъ Григорія Назіанзина или Богослова; другой — другъ перваго — подъ именемъ Василія, епископа Кесаріи Каппадокійской, великаго; третій получитъ порфиру, но возвратится къ заблужденіямъ своихъ язычествовавшихъ предковъ и будетъ извѣстенъ подъ именемъ Юліана отступника.

Если язычество представлялось для Юліана въ самомъ привлекательномъ видѣ, то, значить, христіанство въ своихъ, особенно замѣтныхъ по высокому положенію, представителяхъ было для него весьма непривлекательно. Аріанинъ Констанцій истребилъ всѣхъ потомковъ Констанція Хлора, исключая Юліана и брата его Галла. Но скоро и Галль, царевичъ слабый и тупоумный, тоже былъ умерщвленъ. Юліанъ, встрѣчавшійся съ способными александрійскими софистами и тайно напоеваемый ими любовію къ язычеству, научился соединять идею христіанства съ ненавистнымъ для него образомъ своего двоюроднаго брата, который, какъ аріанинъ, преслѣдуя великаго Аѳанасія, подобнымъ же образомъ преслѣдовалъ и язычество, и щадилъ день за день Юліана, раздумывая бросить ли и его въ тюрьму, или предоставить ему наслѣдовать императорскую власть, право на которую давало ему родство съ императоромъ. Наши замѣчанія объ исторіи восхожденія Юліана ко власти и употребленію, какое онъ сдѣлалъ изъ ней, мы отложимъ до другаго времени, а теперь обратимся къ тѣмъ нашимъ общимъ замѣчаніямъ, которыми мы обѣщались заключить свою статью.

---

Требуется болѣе обширная и болѣе глубокая ученость,

чѣмъ какою обладаемъ мы, чтобы произнести сужденіе объ объемѣ ума и знаній у автора, написавшаго лежащіе предъ нами томы, на которые мы старались обратить вниманіе своихъ читателей. Но отказываясь и отъ этого, мы, однакоже, находимъ возможнымъ привести нѣкоторыя черты сравненія Брогли съ другими писателями не придавая, впрочемъ, своимъ словамъ рѣшительнаго значенія.

Очень было желательно, чтобы эта часть исторіи была тщательно изслѣдована кѣмъ нибудь, кто бы не былъ, подобно Гиббону, невѣрующимъ, или, подобно Тилльмону, отшельникомъ, и кто бы не погружался, подобно Ненандеру, въ изслѣдованія о системахъ мнѣній и развитіи идей до того, чтобы забыть о живыхъ людяхъ, кто бы довольно былъ знакомъ съ политическою жизнію, чтобы войти въ затрудненія такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Константинъ, и котораго религіозное усердіе дѣлало бы его въ тоже время способнымъ сочувствовать св. Антонію и Аванасію великому. Этимъ желаніямъ удовлетворяетъ сочиненіе Брогли, хотя, конечно, очень возможная вещь, что другіе, болѣе способные судить объ этомъ дѣлѣ, могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поставить Брогли ниже своихъ соперниковъ.

При всѣхъ тяжкихъ заблужденіяхъ Гиббона въ тонѣ изслѣдованія и въ характерѣ сужденій, надобно допустить, что авторъ исторіи „упадка и паденія римской имперіи“ исполнилъ дѣло, за которое не зачѣмъ братья въ другой разъ. Онъ первый изъ матеріаловъ, самыхъ необработанныхъ, воздвигнулъ величественное зданіе, которое называютъ храмомъ безъ божества и алтаря, въ которомъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ можно найти ошибки и недосмотры, касающіеся подробностей, но которое въ цѣломъ никогда не будетъ разрушено. Брог-

ли часто съ успѣхомъ нападаетъ на Гиббона; однакожь, какъ не много погрѣшностей указаль Брогли, если сравнить ихъ съ огромностію Гиббонова труда! Въ отношеніи къ оригинальности изслѣдованій авторъ „L' Eglise et l' empire romain au IV siècle, по нашему мнѣнію, долженъ быть поставленъ ниже автора History of decline and fall of Romain Empire, который помогъ ему болѣе, можетъ быть, чѣмъ онъ сознаетъ, и безъ котораго онъ едва ли бы рѣшился предпринять свои собственные удивительныя изысканія.

Предоставляемъ французамъ, у которыхъ до Брогли существовалъ цѣлый рядъ биографовъ и историковъ, каковы: Жуанвилль, Фруассаръ, С. Симонъ, Лякретелль, Сисмонди, Тилльмонъ, Флѣри, Дюпэнъ, братья Тьерри, Мишле, Тьеръ, Барантъ, дать приличное мѣсто между ними новому историку. Но для насъ несомнѣнно, что одинъ изъ современныхъ французскихъ мыслителей, котораго мы не поименовали, хотя, можетъ быть, и уступаетъ Брогли въ силѣ и картинности повѣствованія, но взявши во вниманіе совершенно нетронутую почву, на которой онъ производилъ свои изысканія, онъ долженъ быть поставленъ выше. Сынъ и наслѣдникъ герцога Брогли не посѣтуетъ на насъ за то, что мы отзываемся съ такимъ уваженіемъ о товарищѣ его отца—по министерству—г. Гизо,—авторѣ „Исторіи цивилизаціи во Франціи“ и „исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ и недавно вышедшихъ „Мемуаровъ“. Что касается до слога, до изящества и блеска, которымъ нельзя не удивляться въ этихъ томахъ, то французскіе критики и въ числѣ ихъ Амперъ, можетъ быть, вправѣ были утверждать, что у Брогли нѣсколько меньше ясности и богатства языка, чѣмъ у Амедея Тьерри или Виктора Кузена. Но въ язы-

кѣ Брогли замѣтны единственно ему принадлежащія оригинальныя особенности; подобно лорду Маколею, онъ хладнокровно допускаетъ тавтологію и никогда не избѣгаетъ повторенія одного и тогоже слова, какъ скоро идея, которая должна быть выражена, тождественна. Эта самая оригинальность языка дѣлаетъ труднымъ переводъ сочиненія Брогли почти столько же, какъ и сочиненій Маколея на другіе языки.

Въ трудѣ Брогли встрѣчаются по мѣстамъ ссылки и указанія на ученыхъ восточнаго берега Рейна. Въ ясности и силѣ изложенія, въ живописности повѣствованія, въ краснорѣчій разсказа германскіе историки, по нашему мнѣнію, далеко уступаютъ своимъ галликанскимъ соперникамъ. Такъ напр., даже единовѣрцы и глубочайшіе почитатели Мелера конечно сознаются, что его глубокое твореніе о св. Аѳанасіѣ скучно читается вслѣдствіе постоянно вставляемыхъ разсужденій, высказываемыхъ тономъ доктринальнымъ, и вслѣдствіе анализа сочиненій св. Отца, къ которымъ онъ отсылаетъ читателя. Но не смотря на расположенность германскихъ ученыхъ—тонуть въ отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, которая особенно вредитъ историку, широта воззрѣній и сила мысли никогда не встрѣчаются въ такомъ величій у французскихъ и англійскихъ мыслителей, какъ у германскихъ. Въ сравненіи съ Мелеромъ и Доллингеромъ г. Брогли кажется для насъ менѣе зрѣлымъ мыслителемъ, чѣмъ эти писатели, занимавшіеся тѣмъ же предметомъ.

Но послѣ всѣхъ этихъ сравненій, очевидно, нѣсколько примрачающихъ славу разбираемаго нами труда, послѣ указаній точекъ различія между нашими взглядами и взглядомъ Брогли, сочиненіе его все таки остается для

нась удивительнымъ по своей ясности, глубокой и совѣстливой изслѣдовательности;—оно результатъ поразительнаго трудолюбія, зрѣлой мысли, замѣчательнаго историческаго такта и самое краснорѣчіе въ немъ употребляется со вкусомъ и къ мѣсту. Мы не скажемъ иперболы, если скажемъ, что многіе предметы, которыхъ касается Брогли, ни въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи не рассмотрѣны болѣе прилично и болѣе достойно. Сочиненіе его способно оказать великую услугу скептическимъ и вольнодумнымъ умамъ Франціи: они могутъ научиться изъ его книги, что вѣра Христова совмѣстима съ широкими взглядами и что заблужденія существовали во всѣ времена Церкви, какъ неразлучныя не съ самимъ христіанствомъ, а съ надшею человѣческой природой, которая при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не вполне покоряетъ себя игу Христову.



**Издательство православной  
богословской литературы  
“АКСИОН ЭСТИН”  
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

**Посетите наш сайт в интернете по адресу:**

**[www.axion.org.ru](http://www.axion.org.ru)**

**На сайте:**

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: [info@axion.org.ru](mailto:info@axion.org.ru)